

*Смирнов С. И. Как служили миру подвижники Древней Руси?:
(Историческая справка к полемике о монашестве) // Богословский
вестник 1903. Т. 1. № 3. С. 516–580 (2-я пагин.). (Начало.)*

КАКЪ СЛУЖИЛИ МИРУ ПОДВИЖНИКИ ДРЕВНЕЙ РУСИ?

(Историческая справка къ полемикѣ о монашествѣ).

*Буди ревнитель право живущимъ и сихъ
житіе и дѣяніе тиши на сердци своеемъ.*

Изъ житія преп. Сергія.

Небольшая замѣтка писателя и публициста А. В. Круглова *На службѣ миру — на службѣ Богу* (Душеполезное Чтеніе 1902 г., октябрь) вызвала оживленную полемику о монашествѣ: по вопросамъ—о служеніи иноковъ миру, объ истинныхъ задачахъ монашества и о православномъ его идеалѣ. Такая полемика явленіе нечастое въ нашей, откровенно говоря, довольно таки вялой духовной журналистикѣ. Участіе въ полемикѣ ранѣе всѣхъ приняли монастырскіе иноки, потомъ представители такъ называемаго ученаго монашества и, разумѣется, потому, что поднятые вопросы близко касались и тѣхъ и другихъ, за ними профессора духовной академіи, священники; на споръ отозвалась и свѣтская пресса. Но „споръ славянъ между собою“ рѣдко отличается хладнокровiemъ, безпристрастiemъ, корректностью, а главное плодотворностью...

Мы рѣшаемся вставить свое слово не затѣмъ только, чтобы полемизировать. Хотимъ, чтобы споръ былъ поставленъ на почву исторіи и монашескихъ традицій и признаемъ такую постановку *единственно плодотворной*. Главная задача наша—навести *точную справку* по спорнымъ вопросамъ въ исторіи древнерусского монашества.

Справку приводимъ изъ исторіи нашего древняго монашества прежде всего потому, что оно, что бы о немъ ни говорилось, выставило изъ своей среды сонмъ преподобныхъ, длинный рядъ иноковъ, полнѣе другихъ осуществившихъ идеалы своего званія, такихъ иноковъ, которые основывали

славныя на всю Русь обители, при жизни руководили братіей поученіями и наставленіями, а еще больше высокимъ примѣромъ своего житія, иногда давали обителямъ свои уставы, преданія и завѣщанія. Мы обращаемся къ безспорнымъ и незыблемымъ авторитетамъ русского подвижничества; въ ихъ святой жизни, въ безхитростныхъ поученіяхъ и наставленіяхъ, въ строгихъ уставахъ своимъ обителямъ и преданіяхъ ученикамъ поищемъ нужныхъ намъ отвѣтовъ. Отсюда читатель и самъ увидить, какъ думали по обсуждаемымъ теперь вопросамъ древніе русскіе подвижники, какія брали они на себя задачи въ отношеніи къ міру и какъ умѣли совмѣшать это дѣло съ прямыми обязанностями инока. Увидеть онъ, какіе уроки преподаютъ русскіе угодники и чудотворцы нашему теперешнему монашеству, смутно понимающему свои идеалы, задачи и обязанности, слабо дисциплинированному и дурно живущему. Но читатель жестоко бы ошибся, еслибы нижеслѣдующую справку принялъ за полную, всестороннюю историческую картину отношеній древне - русского монастыря къ міру въ разные періоды церковно - исторической жизни, картину со всѣми тѣнями и полутинями. Онъ ошибся бы приблизительно въ такой же степени, какъ еслибы сталъ судить о монашествѣ конца XVIII и нач. XIX в. по жизни Серафима Саровскаго, а о современномъ приходскомъ духовенствѣ нашемъ по примѣру о. Иоанна Кронштадтскаго, ибо давно известно: „*мнози поидуть къ иноческому житію, мали же яремъ его понесутъ*“.

Мы беремъ только этихъ „малыхъ“, понесшихъ яремъ иноческаго житія, беремъ исключительныхъ иноковъ древней Руси, стараемся рисовать преимущественно свѣтлыя стороны картины.

Односторонни же мы сознательно, и не безъ цѣли. Никто, полагаемъ, не будетъ спорить, что въ стѣнахъ честной обители, основанной древнимъ подвижникомъ, гдѣ обыкновенно покоится теперь его „многострадальное и трудолюбное тѣло“, должна сохраняться живая традиція, идущая отъ лѣтъ древнихъ, отъ самого этого подвижника. Его житіе — естественный примѣръ для посильного подражанія каждому иноку данного монастыря; уставъ его, если таковой былъ и сохранился, обязательное руководство для всѣхъ, для строя монастыря въ цѣломъ; его заповѣди имѣютъ въ его обители

такую же силу, какъ заповѣди Божіи. Истинный монахъ найдеть здѣсь воплощенный идеаль свой. Не откажутся, мы думаемъ, признать завѣты древне-русскаго монашества и иноки не монастырскіе, „ученые монахи“... Свою справкой мы хотѣли бы въ памяти тѣхъ современныхъ иноковъ, которые взволнованы или заинтересованы настоящей полемикой, оживить эти традиціи нашего лучшаго монашества, завѣщаныя знаменитѣйшимъ обителямъ русской земли, идущія отъ истинныхъ подвижниковъ, „право живущихъ“, хотѣли бы напомнить одну сторону этихъ преданій, которая и служить въ настоящее время предметомъ спора, — *завѣты служенія миру*¹⁾. Если иноки, принявши близко къ сердцу дѣло защиты своего класса, своихъ идеаловъ хотятъ быть *рѣшителеми право. живущихъ*, они должны, прежде всего, *написать на сердце свое мъ житіе и дѣяніе ихъ*. Монахи—они должны вести себя въ этомъ дѣлѣ помонашески. И, мы увѣрены, это дастъ имъ надежную точку опоры, избавить отъ ненужныхъ умствованій, отъ разсужденій совершенно лишнихъ, неумѣстныхъ, даже ошибочныхъ, — мы увѣрены, что это въ значительной степени упростить для нихъ рѣшеніе спорнаго теперь вопроса²⁾.

I.

Древнѣйшее русское монашество — городское, общежительное. — Устроитель его *преп. Феодосій Печерскій*. — Служеніе преп. Феодосія миру: молитвой, учительствомъ и пастырствомъ, печалованіемъ, благотворительностью. — Печерскій дворъ для приватія нищихъ и больныхъ. — Ропотъ братіи на расточительность преп. Феодосія.—„Слово о терпѣніи и любви“. — Служеніе Печерскаго монастыря миру послѣ преп. Феодосія. — Духовничество и печалованіе послѣдующихъ иноковъ. — Варлаамъ Хутынскій.—

Иноческіе идеалы Кирилла Туровскаго.

Монаховъ на Руси по источникамъ мы встрѣчаемъ впервые на воскресныхъ трапезахъ ласковаго князя Владимира.

¹⁾ Рѣшительно не видимъ ничего предсудительного въ выражениі: „служеніе или служба миру“ и предпочитаемъ его другому: „служеніе или служба ближнимъ“. Первое болѣе точно, ибо споръ идетъ объ обязанностяхъ иноковъ только къ тѣмъ ближнимъ, которые живутъ въ монастырской оградѣ, къ мѣрнямъ. Выраженіе „служба ближнимъ“ содержитъ мысль и объ обязанностяхъ инока къ иноку, о взаимномъ служеніи монаховъ. Но объ этомъ, какъ навѣстно, не поднималось вопроса и рѣчи.

²⁾ Читатели нашего журнала, не слѣдивши за полемикой, найдутъ изложеніе ея сущности, въ явварской книжкѣ Б. В. стр. 172 и слѣд.

Не въ безлюдныхъ степяхъ, не въ непроходимыхъ лѣсныхъ пустыняхъ возникли и первые русские монастыри при сыне Владимира Ярославѣ, возникли они въ самомъ центрѣ культурной—торговой, политической и церковной жизни тогдашней Руси, въ стольномъ Кіевѣ. И за весь кіевскій періодъ, даже больше того, до самаго возникновенія Радонежской обители преп. Сергія неизвѣстно ни одного монастыря, построеннаго не въ городѣ или вдали отъ города. Древнійшиє русские монастыри были *городскими*. Вмѣстѣ съ тѣмъ и древнійшиє русское монашество не носило характера анахоретства или отшельничества. Правда, подвижники отшельническаго образа бывали, но ихъ слишкомъ мало, не имѣ принадлежить дѣло организаціи русскаго монашества, организаціи, которая носила киновіотскій или *общежительный* характеръ по уставу Студійскаго монастыря въ Константинополѣ.

Такое монашество—городское и общежительное не могло не считаться съ русскимъ міромъ и, какъ сейчасъ увидимъ, дѣятельно служило и общественнымъ и частнымъ нуждамъ мірскихъ людей.

Отцы русского монашества преп. Антоній и Феодосій Печерськіе были подвижниками разныхъ типовъ: первый, афонскій постриженникъ, былъ созерцатель отшельникъ, второй, постриженникъ уже Антонія, соединялъ съ созерцаніемъ и великими подвигами выдающійся практическій и организаторскій талантъ. Какъ только въ пещерѣ образовалось небольшое братство въ 15 человѣкъ, препод. Антоній, привыкшій къ уединенію, не терпѣвшій волненій и суеты, ушолъ въ затворъ въ одну изъ пещерныхъ келій. Онъ отказывается отъ руководительства братіей, ставить вмѣсто себя игуменомъ другое лицо и до смерти (1073 г.) не вмѣшивается въ монастырскую жизнь¹⁾. Не Антоній

¹⁾ „Преподобный же Антоній, якоже обыкль единъ жити и не терпя всякаго мятежа и моловы, затворися въ единой келіи пещеры“. *Житіе прп. Феод.* по Сборнику XII в. Успенскаго Собора Ч. О. И. и Др. 1899, II кн. 54 стр. Такоже въ Печерскомъ Патерикѣ, изд. Яковлева, (Памятники рус. литературы XII и XIII в. стр. 19). Оставляя братію, подвижникъ говорилъ: „живѣте же о собѣ и поставлю вы игумена, а самъ хочу въ ону гору ити единъ, якоже и прежде бяхъ обыкль уединився жити“. *Лѣтоп. по Лавр.* сп., 3 изд. 154; ср. Яковлева, 74.

устроилъ славный Печерскій монастырь, не онъ организовалъ и русское монашество. Даже житіе этого отшельника, которое несомнѣнно было написано, не сохранили до насъ русскіе иноки. Устроителемъ русскаго монашества былъ преп. Феодосій. Время его правленія (1062—1074 г.г.) несомнѣнно лучшая пора въ исторіи Печерскаго монастыря, а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ исторіи русскаго монашества первого периода. Послѣдующіе иноки (до преп. Сергія) только подражали преп. Феодосію, далеко не достигая ни высоты его подвиговъ, ни размѣровъ его славы. Ни о какой попыткѣ пересоздать русское монашество, повести его по новому пути, болѣе совершенному или возвышенному, чѣмъ путь Феодосія, задать ему новые задачи, которыхъ не указалъ бы онъ, не могло быть и рѣчи. Преп. Феодосій—законодатель русскаго монашества.

Это исключительный, рѣдкій человѣкъ, поражающій всесторонностью дарованій и той необычайной уравновѣшенностю силъ и свойствъ, которая создаетъ гармонію святой личности. Великій подвижникъ, жаждавшій высшаго подвига—смерти за Христа и за правду, неусыпающій молитвенникъ, „послушливый, кроткій и смиренный“, ревностный но никогда не гнѣвающійся инокъ, прозорливецъ и провидецъ, онъ былъ въ то же время талантливый и практическій администраторъ и въ высшей степени сердечный человѣкъ, отзывчивый на человѣческое горе и на житейскую нужду. Ни одно изъ указанныхъ свойствъ не было преобладающимъ, вытѣсняющимъ другія. Въ свои отношенія къ миру Феодосій вносить ту цѣлостность личныхъ дарованій своихъ, которая отмѣчаетъ и его монастырскую игumenскую дѣятельность. Вотъ какими замѣчательными словами характеризуетъ лѣтописецъ эту сторону дѣятельности великаго подвижника: „Игуменство бо держащю Феодосію въ животъ своеи, правящю стадо порученное ему Богомъ — черноризцы, не токмо же си едины, но и мирскими печащеся о душахъ ихъ, како быша спаслися“¹⁾). Разнообразно выражается это понеченіе о спасеніи мірянъ. Прежде всего подвижникъ считаетъ обязанностью монаха молиться за мірянъ—„трудиться

¹⁾ Лавр. лѣт., 3-ье изд., 205.

въ бдѣніи и въ молитвахъ молиться за весь міръ безъ прѣстани”¹⁾.

Вторая обязанность инока—быть учителемъ даже пастыремъ мірянъ. Учительность проявлялась въ обличеніи мірской неправды. Въ Кіевѣ при Феодосії произошло княжеское междуусобіе между дѣтьми Ярослава. Братья—князья лишили кіевского стола Изяслава, а Святослава посадили на его мѣсто. Тогда Печерскій игуменъ запретилъ поминать въ церкви нового князя, рѣзко отказался идти на княжеский обѣдъ и началь обличать обидчика. Своимъ посланіемъ къ Святославу, гдѣ его поступокъ сравнивается съ братоубийствомъ Каина, а самъ князь приравнивается къ древнимъ гонителямъ, смиренный печерскій игуменъ вызвалъ княжескій гнѣвъ. Братья проситъ Феодосія оставить свои обличенія, бояре приходя въ монастырь говорили, что князь подвергнетъ игумена изгнанію или заточенію, но подвижникъ нисколько не испугался этихъ угрозъ и опасностей, напротивъ съ большою ревностью обличалъ Святослава. Видя однако безплодность своихъ обличеній, преподобный рѣшается „мольбою того молити, дабы возвратилъ брата своего въ область“. Когда Святославъ узналъ о перемѣнѣ въ настроеніи Феодосія, онъ самъ ѿдѣть въ Печерскій монастырь, смиренно просить у игумена дозвolenія увидаться здѣсь и объясняетъ ему, что не являлся въ монастырь раньше, боясь игуменскаго гнѣва, опасаясь быть не принятъмъ. Въ отвѣтъ на это Феодосій произносить многознаменательныя слова: „что бо, благій владыко, успѣть гнѣвъ нашъ еже на державу твою; но се намъ подобаетъ обличити и глаголати вами еже на спасеніе души, вамъ же лѣпо бы послушати того“²⁾. Подвижникъ считаетъ своей иноческой обязанностью („намъ подобаетъ“) обличать неправду, защищать по правы права и конечно потому только и взялся за дѣло, которое нисколько не касалось его лично. Примирившись съ Святославомъ и по настойчивой просьбѣ братіи присоединивъ его имя на ектеніяхъ къ имени законнаго князя, Феодосій не пересталъ, хотя снова безъ успѣха, твердить Святославу, чтобы тотъ уступилъ старшему брату Кіевскій столъ.

¹⁾ Слово св. Феодосія о терпѣніи и о любви. Уч. Зап. Ак. Наукъ II, 2, 204—205.

²⁾ Житіе, 75—77; Яковлевъ, 51—52.

Учительство Феодосія по отношенію къ мірскимъ людямъ выражается еще въ личныхъ душеспасительныхъ бесѣдахъ съ ними, о которыхъ много разъ говорится въ житіи подвижника, и вѣроятно въ церковныхъ поученіяхъ, обращенныхъ къ мірянамъ¹⁾.

Но онъ несъ относительно мірянъ *обязанность* и болѣе сложную, чисто *пастырскую*. Преп. Феодосій былъ духовникомъ мірянъ. Слыша о добромъ житіи Печерской братіи, князья, бояре (и ихъ семейства) „приходаху къ великому Феодосію, исповѣдающе тому грѣхи своя“²⁾. Исповѣдь въ древности у насъ соединялась съ избраниемъ того священника въ духовные или покаяльные отцы. А стать духовникомъ значило тогда взять на свою душу дѣло спасенія своихъ духовныхъ дѣтей, учить ихъ и руководить на пути спасенія, въ каждомъ шагѣ религіозно-нравственной ихъ жизни. быть почти *старцемъ* для мірянъ. Духовникъ часто долженъ былъ призывать духовныхъ чадъ для бесѣдъ къ себѣ или посѣщать ихъ дома. Какъ покаяльный отецъ, преп. Феодосій особенно заботился „о духовныхъ сынахъ своихъ, утѣшная и наказуя приходящая къ нему, другоици (другой разъ) въ домы ихъ приходя и благословеніе имъ подавая“. Очевидно такія бесѣды Феодосія съ духовными дѣтьми въ монастырѣ или же и въ мірскихъ домахъ были нерѣдки. обычно входили въ программу его пастырской дѣятельности. Лѣтописецъ рисуетъ трогательную картину той сердечности, которая здѣсь царила. Посѣтивъ однажды боярское семейство Яна Вышатича и Маріи, особенно любимыхъ имъ за благочестивую и дружную жизнь, преп. Феодосій вель поучительную бесѣду съ хозяевами, духовными дѣтьми своими, говорилъ о милостынѣ къ убогимъ, о загробной жизни и о смертномъ часѣ. Боярыня — хозяйка замѣтила: „кто знаетъ, гдѣ меня положать?“ И преп. Феодосій отвѣтилъ своей духовной дочери, что она будетъ положена тамъ же, гдѣ и онъ. (Предсказаніе дѣйствительно сбылось: боярыня была погребена въ великой пещерской церкви противъ гроба Фео-

¹⁾ О послѣднемъ можно судить по поученіямъ мірянамъ, надписанымъ именемъ преп. Феодосія, хотя ихъ подлинность и оспаривается нѣкоторыми учеными.

²⁾ Житіе, 60; Яковлевъ, 25.

досія)¹⁾. Духовнія дѣти составляли около преп. Іоодосія цѣлостну семью и вѣроятно передъ смертью онъ передалъ покаяльныхъ дѣтей бояръ своему преемнику по игуменству— Стефану. И когда печерская братія возстала на Стефана, лишила его игуменства и изгнала изъ монастыря, эти бояре пожалѣли своего посрамленного духовнаго отца и помогли ему устроить свой монастырь²⁾. Но если преп. Іоодосій передаетъ свою духовную семью преемнику по монастырскому игуменству, то это значитъ, что духовничество среди мірянъ онъ признавалъ *обычнымъ дѣломъ* инока и естествен-
ной *обязанностью* монашескаго званія.

Третья форма служенія міру, которую показалъ на своеімъ примѣрѣ отецъ русскаго монашества,—*заступничество* или, какъ обычно оно называлось въ древней Руси, *печалованіе*. Разъ убогая вдова, обиженная судьей, пришла въ монастырь и случайно встрѣтила подвижника. Она обратилась къ нему съ вопросомъ,—дома ли игуменъ? Іоодосій замѣ-
чаетъ: „зачѣмъ онъ тебѣ нуженъ, онъ человѣкъ грѣшный“. Любопытенъ отвѣтъ якіиини: „аще и грѣшенъ есть, не вѣмъ; токмо се вѣмъ, яко мнози избави отъ печали и напа-
сти, и сего ради и азъ пріідохъ, яко да и мнѣ поможеть,
обидимъ суши безъ правды отъ судії“. Узнавъ ея дѣло, преподобный сильно скжалился, обѣщаляръ передать игумену ея просьбу, обнадежилъ беззащитную, что тотъ ее избавить отъ бѣды, и отославъ домой. Женщина пошла домой, а пре-
подобный къ судью, и она получила, чего была лишена при-
страснѣмъ судьей. Разсказавъ этотъ случай, жианеописатель преподобнаго прибавляетъ: „тако же сій блаженый отецъ нашъ Іоодосій многимъ заступникъ бысть предъ судіями и князи, избавляя тихъ, не бо можахутъ ни въ чёмъ преслушати его. вѣдуща и (его) праведна и свята. Не бо его чтяху честныхъ его ради порть и свѣтлая одежда или имѧя ради многаго, но честнаго его ради житія и свѣтлая душа и поученій того многихъ, яже кипяхуть святымъ духомъ отъ устъ его“³⁾. Ясно опять таки, что *печалованіе* было *обычнымъ дѣломъ* пре-
подобнаго печерскаго игумена, что оно соединялось съ вели-
кимъ паstryскимъ вліяніемъ его въ мірской средѣ.

¹⁾ *Лавр. лѣт.*, 205.

²⁾ *Житіе*, 94—95; *Яковлевъ*, 62—63.

³⁾ *Житіе*, 89—90; *Яковлевъ*—56.

Четвертая форма, въ которой проявлялось служеніе его миру—благотворительность. По своимъ идеаламъ преп. Феодосій, какъ истинный монахъ, былъ нестяжатель: онъ не хотѣлъ имѣть въ монастырѣ лишняго имущества и не возлагалъ своихъ упованій на имѣнья¹⁾. Но онъ не отказывался принимать приношенія отъ мірянъ въ монастырь, даже вклады селами, побуждаемый вѣроятно своей братіей, которая, какъ увидимъ, была настроена не такъ безкорыстно. Препод. Феодосій, едва могъ достигать того, чтобы братія не имѣла частной собственности, т. е. чтобы она исполняла элементарное требование общежительного устава. Не безъ труда могъ онъ соблюсти и слѣдующее предписаніе Феодора Студита: „да не скопиши золота въ монастырѣ твоемъ, но избытокъ всякаго вида да раздаешь нуждающимся въ воротахъ двора твоего, какъ дѣлали святые отцы“²⁾,—предписаніе, которое, какъ видить читатель, признаетъ благотворительность непремѣнной обязанностью монастыря, разъ въ немъ есть избытокъ всякаго вида. Приносы и вклады богатыхъ мірянъ въ монастырь даютъ возможность пещерскому игумену благотворить мірянамъ же, только не имущимъ. Преп. Феодосій былъ очень милосердъ. Видъ убогаго и нищаго въ худой одеждѣ возбуждалъ въ немъ чувство жалости и вызывалъ слезы состраданія. Состраданіе переходитъ у него въ дѣло и благотворительность монастыря принимаетъ организованный характеръ. За монастырской оградой преподобный построилъ дворъ съ церковью и на этомъ дворѣ принимались калѣки, нищіе и больные. Полное содержаніе они получали отъ монастыря, на что расходовалась десятина его доходовъ. Кромѣ этого каждую субботу преп. Феодосій посыпалъ возъ печенаго хлѣба колодникамъ³⁾. Такъ пещерскій монастырь становится благотворителемъ.

¹⁾ Житіе, 73: Тѣмъ же не хотяше никакоже прилога творити въ немъ (въ монастырѣ), иль бѣ вѣрою и надежею къ Богу воскляняся, якоже паче не имѣти упованія неимѣніемъ (вар. имѣніемъ); ср. Яковлевъ, 38—39.

²⁾ Завѣщаніе игумену Migne, P. Gr. XCIX, col. 1821, § 21. р. пер. Е. Е. Голубинскій, Исторія, 1, 2, 683.

³⁾ „Таково бо бѣ милосердіе великаго отца нашего Феодосія, аще бо видяше вища или убога, въ скорби суща и въ одежі худѣ, жаляще си его ради и вельми тужаше о семъ и съ плачемъ того миловаше. И сего ради створи бворъ близъ монастыря своего и церковь возгради въ немъ

Но нищелюбивому Феодосию этого было еще мало. Онъ былъ заступникъ вдовъ, помощникъ сиротъ, прибѣжище убогимъ; училъ и утѣшалъ приходящихъ и подавалъ „еже на потребу и на пищу тѣмъ“. Многіе „несмысленные“ укоряли доброго расточителя. Много разъ приходилось ему принимать досажденія и укоризны и отъ учениковъ своихъ. Но онъ только радовался и молилъ за всѣхъ Бога¹⁾. Дѣло доходило до ропота на игумена со стороны пещерской братіи, по крайней мѣрѣ со стороны значительной ея части. Одно поученіе преп. Феодосія, чрезвычайно интересное въ настоящемъ случаѣ, превосходно вскрываетъ этотъ внутренний разладъ въ лучшей русской обители XI вѣка. „Слово святаго Феодосія о терпѣніи и любви“, которое мы имѣемъ въ виду, вызвано было ропотомъ братіи на него по двумъ поводамъ — потому, что не всѣхъ, проведшихъ время искуса, онъ удостоивалъ монашескаго постриженія, а еще по поводу неумѣренной будто бы его благотворительности. Феодосій поучаетъ братію, ссылаясь на примѣръ и слова ап. Павла (2 Фессал., III, 8—10): „слѣдуетъ намъ отъ трудовъ своихъ кормити убогихъ и странныхъ, а не пребывать праздными, переходя отъ кельи въ келью. Если бы не кормили нась добрые люди, что бы мы сдѣлали, надѣясь на свои труды? И если скажемъ: за наше пѣніе, за посты и за бдѣніе приносить намъ все это, то вѣдь мы за приносящихъ даже не поклонимся ни разу!“ Преподобный ссылается на притчу Господню о дѣвахъ (Ме. XXV, 1—13) и толкуетъ ее такимъ образомъ: „мудрыя соблюли дѣвство и свѣтильники свои украсили милостыней и вѣрой, потому вошли въ чертогъ радости безъ всякаго препятствія. Почему же другія девы названы неразумными? Потому, что соблюда дѣвственную пе-

святаго первомученика Стефана; ту же повелѣ пребывати нищимъ, и слѣпымъ, и хромымъ, и трудоватымъ (т. е. больнымъ) и отъ монастыря подаваше имъ еже на потрѣбу, и отъ всего сущаго монастырскаго десятую часть даяше имъ. И еще по вся суботы посыпало въ потребу возъ хлѣбъ сущимъ въ узахъ“. Житіе, 75—76; Ср. Яковлевъ, 41.

¹⁾ Житіе 89. „И бысть вдовицамъ заступникъ и онѣмъ помощникъ и убогимъ гаступникъ и, спроста реци, вся приходящая уча и утѣшаша отпушша. Убогимъ же подавая еже на потрѣбу и на пищу тѣмъ. Мнози же того отъ несмысленныхъ укаряхутъ: тоже сій съ радостю та пріимаше, се же якоже и отъ ученикъ своихъ многажды укоризны и досажденія толму пріинати, но обаче онъ Бога моля за вся пребываше“. Ср. Яковлевъ, 55.

чать неразоримой, смиривъ плоть свою постомъ, бѣніемъ и молитвами, онъ не принесли масла, т. е. милостыни, въ септильникахъ своихъ душъ; за это изгнаны онъ были изъ чертога, начали искать продающихъ милостыню нищимъ (NB толкованіе на— „продающихъ елей“), но не нашли: двери человѣко-любія Божія затворились. И неприлично (не слѣдуетъ) намъ, возлюбленные, продолжаетъ Феодосій, удерживать у себя то, что послыаетъ Богъ на пользу душамъ нашимъ и тѣлу отъ добрыхъ людей, и не подавать постороннимъ“. Это подтверждается текстами Писанія (Дьян. XX, 35; Псал. XL, 2; Мѳ. V, 7). „Не уподобимся тѣмъ ропотникамъ, которые ради чревоугодія пали въ пустынѣ, не станемъ поддаваться бѣсовскимъ помышленіямъ, которая вѣхаютъ въ наши сердца не-пристойное, не давая намъ возможности воздать Богу хвалу о всѣхъ Его благодѣяніяхъ къ намъ“. Указавъ примѣры ропота евреевъ на своего освободителя Моисея, Феодосій останавливается на томъ случаѣ, когда они говорили: зачѣмъ подаемъ мы хлѣбъ иноплеменнымъ? Подвижникъ свидѣтельствуетъ, что не отъ всѣхъ слышить подобныя слова, потому что ропщутъ тайно, но говорить теперь всѣмъ въ предостереженіе отъ зла сребролюбія. „Сказаль (лицемѣрный сребролюбецъ): почто гибелъ сія бысть?... А постъ не продалъ ли Іуда Учителя своего за 30 сребренниковъ? И самъ удавился“. — Этимъ кончается обличительная часть поученія, послѣ которой слѣдуетъ заключительное увѣщаніе. Въ сильныхъ словахъ отчасти библейскихъ опи-сываетъ преподобный свою скорбь по поводу ропота иноковъ, изведенныхъ благодатію Божіей и имъ—игуменомъ изъ мысленного Египта. „Чего мы лишились (подавая милостыню)? Что вы принесли отъ своихъ имѣній на это място? Или я требовалъ чего-нибудь отъ васъ, принимая въ обитель и въ Божіе человѣко-любіе?... Преподобный умоляетъ братію бро-сить „двоедушіе“ (т. е. привязанность къ мірскимъ благамъ при монашескихъ обѣтахъ) ¹⁾.

¹⁾ Въ интересахъ точности приводимъ подлинный текстъ большей части памятника по изданію поученій преп. Феодосія, сдѣланному митр. Макаріемъ. Уч. Зап. Ак. Н. II, П., 205—207. (Ср. другое изд. въ Памятникахъ др. р. церк.-учительной литературы проф. Пономарева, вып. I, 35—37). „Нынѣ же азъ, худый, въ умѣ пріемъ заповѣдь благаго Владыки, се вѣщаю вамъ: лѣпо бо бяше намъ отъ трудовъ своихъ поражити убогія и

Всмоктимся повнимательнѣе въ происшествіе, вызвавшее сейчасъ изложенное поученіе. Въ Печерскомъ монастырѣ

странныя, а не празднымъ пребывать, преходити отъ келіи въ келію. Слышасте бо Павла, глаголюща: яко ни гдѣ же тю (вар. ту) ии хлѣба ни ядохъ, но иощь дѣлахъ, а въ дне проповѣдахъ, и руцѣ мои послужиста ей мѣвъ и ииѣмъ; и пакы: праздный да не ясть. Мыничоже того не сотворихомъ. Аще бы не благодать Божія приспѣла на насъ и кормила боголюбивыми человѣкіи: что быхомъ сотворили на своя труды зряще? Да аще речемъ: пѣнія ради нашего, или поста ради, или бдѣнія та намъ вся приносять, и за всѣхъ бо за приносящихъ ни единую поклонимся. Слышасте бо притчу о десяти дѣвѣ мудрыхъ (sic! вѣроятно здѣсь пропускъ „о десяти дѣвѣ: 5 мудрыхъ“) и 5 неразумныхъ. Вѣщаетъ бо святое Евангеліе: мудрыя же дѣвство соблюдоша и свѣтильники своя украсиша милостынями и вѣрами, и видоша въ чертогъ радостиный, и никому же возвращающу имъ. Оны же буля како нарекоша? Понеже дѣственную печать соблюдоша неразориму, и въ пощеніи и въ бдѣніи, въ молитвахъ стончиша плоть свою, масла же и милостыни не принесоша въ свѣтильницяхъ своихъ душ: и того ради изгнаніи быша изъ чертога и тогда взыскаша продавшихъ милостынія нищихъ, но не обрѣтоша; уже бо затворишаася двери человѣколюбія Божія. — Да не лѣпо намъ есть, возлюбленіи, посылаемыхъ отъ Бога на пользу душамъ и тѣлесамъ нашимъ отъ боголюбивыхъ человѣкъ удержати себе, но и ииѣмъ подаяти требующимъ. Луче бо, рече апостоль, даяти, нежели взимати. Блажень, рече, разумѣвая на нища и убога: въ день люты избави и Господь. И пакы: блажени милостивіи, яко ти помиловані будуть. Да не уподобимся онъмъ роптившимъ, иже чрева ради падоки въ пустыни, ни помышляемъ бѣсовскихъ помышленій, иже вспъваютъ въ сердца наша неподобная, не дающе намъ хвалы воздати Богу о всѣхъ благодатѣхъ его, еже къ иамъ... Рядъ библейскихъ давнихъ относительно ропота евреевъ въ пустынѣ заканчивается: „и паки воду имъ ись камени источи, и хлѣбы имъ съ небесе дарова. Той ли похвалиша Бога безблагодатні? Но начаша глаголати: егда подаваемъ отъ хлѣба иноязычникомъ? И не отъ всѣхъ ии слово сія есть, тайиѣ ропщающимъ: но того дѣля глаголю то всѣмъ, да не вси пріимутъ яко квасъ зло сребролюбія. Глаголаше: почто гибелъ сія бысть; можаше бо сему распродати на мноїи и дати убогымъ. И послѣди же не продастъ ли Іуда Учителя своего на тридцатьхъ сребреницѣхъ? А самъ удавися.—И како ми не стенати и не тужити, любимици мои, и та вся слышаще отъ васъ? И аще быхомъ глаголь возглашали ино пророческое слово; кто дастъ главѣ моей каменіе (воду?) и очима моима источники слезъ, да плачюся день и иощь дщери людій моихъ? Удалихомбося въ пустыню по писанію и чаемъ Бога спасающаго насъ, и не изведе ли насъ паки изъ Египта—отъ міра въ пустынѣ сю безводную не рукою Моисея, но благодатю Божію? И облихованіи быша, братія моя и отцы, что бо принесосте отъ имѣній своихъ на мѣсто се, или что язъ требовалъ отъ васъ, пріимая вы въ обитель сію и въ человѣколюбіе Божіе, что насъ лишеныхъ вся ли подастъ намъ, мо-

возникаетъ неудовольствіе на преп. Феодосія, скрытый ро-
потъ. Однимъ изъ поводовъ къ нему послужила неразсчет-
ливая благотворительность преподобнаго игумена. Ропотники,
прикрывая настоящіе низменные мотивы своего неудоволь-
ствія—жадность и недостатокъ сострадательности, стараются
доказать всю излишность монашеской благотворительности.
Они говорятъ, что уже достаточно платить міру за его бла-
годѣянія своимъ молитвами, бдѣніемъ и постомъ. Мало того.
Они разсуждаютъ, что посты, бдѣніе и молитвы спасутъ
ихъ и безъ милостыни. На первое преп. Феодосій возражаетъ,
что ужъ очень плохо молятся они за христолюбцевъ, за
своихъ благотворителей мірянъ, слѣдовательно остаются
передъ ними въ неоплатномъ долгу; а для опроверженія
второго приводить притчу о десяти дѣвахъ и иноковъ, раз-
суждающихъ объ излишествѣ благотворительности, прирав-
ниваетъ къ дѣвамъ неразумнымъ, соблюшимъ дѣвствен-
ную чистоту, смирившимъ подвигами—постомъ, молитвой и
бдѣніемъ плоть свою, но не проникшимъ въ чертогъ ра-
дости, потому что въ свѣтильникахъ ихъ душъ не нашлось
масла, т. е. милостыни. Сурово обращается кроткій подвиж-
никъ къ ропотникамъ. Онъ ихъ сравниваетъ съ непокорными
іudeями, а ихъ мысли прямо называетъ бѣсовскими помыши-
леніями. Съ своей стороны онъ предписываетъ братіи дѣ-
литься съ нуждающимися монастырскимъ имѣніемъ, какимъ
бы путемъ оно ни было приобрѣтено: *вмѣняетъ въ непремѣн-
ную обязанность кормить убогихъ и странныхъ отъ трудовъ
своихъ; запрещаетъ удерживать исключительно на свое содержи-
чие и подаяніе мірянъ въ монастыре.*

Таково служеніе преп. Феодосія современному русскому
міру. Подробно останавливаемся мы на немъ не безъ при-
чины. На дѣятельность Феодосія нельзя смотрѣть какъ на
дѣло частнаго инока, нисколько необязательное для другихъ.
Онъ—отецъ русского монашества, по признанію самихъ древ-
нихъ иноковъ нашихъ, „игуменъ или архимандритъ всей

литвами святыя Богородица? Да тѣмъ молюся вамъ отъ вся душа моя,
любимици мои, не пребываемъ въ дводушіи, да не прогнѣваемъ благого
Владыка, якоже и они непокорніи, но воздадимъ хвалу благому Владыцѣ, о иже тако о насть смотрѣть и вся намъ изобилія подаваетъ, не
помяя немощей нашихъ“... Изложеніе приведенного поученія (болѣе
краткое) можно читать и въ Исторіи житія Макарія, I, 124—126.

Руси“, „начальникъ иже въ Руси мнишьскому чину“, „общему житію первый начальникъ въ русской землѣ“¹⁾). Ставя его на такое мѣсто, наше древнее монашество должно было видѣть (и дѣйствительно видѣло) въ его лицѣ обязательный примѣръ, а въ дѣятельности, которую мы описывали, обязательную программу своего служенія міру.

Такъ оно и было. Печерскій монастырь не забылъ завѣтъ своего устроителя. Игумень Стефанъ соединилъ дворъ для принятія нищихъ, приходившійся между двумя половинами монастыря, въ одну систему строеній, впрочемъ не нарушивъ оградъ, которыми части эти отдѣлялись другъ отъ друга²⁾.

Общежительный уставъ во всей строгости, какъ извѣстно, недолго продержался въ Печерскомъ монастырѣ, а вмѣстѣ съ его ослабленіемъ вѣроятно пала и организованная благотворительность обители. Думаемъ такъ, потому что имѣемъ примѣры подобной зависимости явленій. Печерская братія дѣлится теперь на богатыхъ и бѣдныхъ, богатые служить предметомъ вниманія и почтенія, бѣдные находятся въ небреженіи. Но теперь въ монастырѣ развивается частная благотворительность: лучшіе иноки раздаютъ бѣднымъ все, что имѣютъ. Никола Святоша, князь-инокъ, самъ ничего не вкушалъ кромѣ монастырской пищи, хотя имѣлъ много своего. Всё свое онъ раздавалъ страннѣмъ, нищимъ и на церковное строеніе³⁾. Преп. Іоаннъ раздалъ нищимъ все свое имѣніе. Преп. Григорій, который имѣлъ только книги, продалъ ихъ, а вырученное раздалъ убогимъ. Преп. Маркъ Печерникъ ничего не бралъ съ иноковъ, которымъ готовилъ мѣста для погребенія, но, если кто самъ давалъ, онъ не отказывался, бралъ, чтобы раздавать нищимъ. Преп. Алипій иконникъ дѣлилъ на три части то, что получалъ за свое дѣло: одна часть шла на милостыню. Во время

¹⁾ Похвала преп. Феодосію, Яковлевъ 64; Житіе преп. Авраамія Смоленскаго, Прав. Соб. 1858, III, 142, 383; Кириллъ Туровскій, Пам. Росс. Слов. ХП в. 126—127; Гр. Лѣтоп. 2-я и 3-я, СПБ. 1879, стр. 79.

²⁾ Житіе преп. Феодосія, 95; Яковлевъ, 62.

³⁾ Яковлевъ, 101. Можетъ быть преп. Никола принималъ на себя и обязанность печалованія. По крайней мѣрѣ къ умирающему подвижнику его врачъ обращается слѣдующія слова: „и кто напитаетъ много чадъ требующихъ? и кто заступитъ обидимыхъ? кто помилуетъ вищихъ?“ Тамъ же, 103.

голода преп. Прохоръ Лебедникъ своими руками приготовлялъ хлѣбъ изъ лебеды, который чудесно превращался въ настоящій, и соль изъ пепла. Скромный пещерскій инокъ оказываетъ противодѣйствіе самому великому князю Святополку Изяславичу, который въ союзѣ съ киевскими жицами запретилъ ввозъ соли изъ Галиціи, чтобы воспользоваться дороговизной соли. Когда она дѣйствительно вздорожала и народъ долженъ былъ платить большія деньги монополистамъ, Печерскій монастырь раздавалъ соль даромъ. Это сбиваетъ цѣну и разстраиваетъ дурные замыслы¹⁾. Очень высоко цѣнилась добродѣтель милостыни въ Печерскомъ монастырѣ: раздать нищимъ значило дать Богу²⁾.

Въ самомъ монастырѣ для братіи было организовано уходъ за больными, по крайней мѣрѣ упоминаются монахи „на то устроеніи—больнымъ служити“. Однако Печерскіе иноки не чуждались помощи и больнымъ мірянамъ. Преп. Агапитъ, безмездный врачъ, имѣлъ даръ исцѣленія. „И слышано бысть о немъ въ градѣ, яко нѣкто въ монастырѣ лечецъ. И мнози болѧще приходяху къ нему и здрави бываху“³⁾.

Изъ Печерскаго монастыря по временамъ слышится голосъ обличенія сильнымъ земли. Корыстолюбецъ и насильникъ упомянутый князь Святополкъ нашолъ своего обличителя въ Печерскомъ игуменѣ Ioаниѣ (съ 1088—вѣроятно 1103 г.). Очевидно обличать насилие властей этотъ игуменъ считалъ своею непремѣнной обязанностью, руководясь можетъ быть примѣромъ преп. Феодосія, и не устрашился гоненія и заточенія, которому подвергъ его Святополкъ⁴⁾.—Печерскій монастырь проявилъ свою общественную дѣятельность въ распространеніи христіанства, очевидно не считая и миссіонерство чужимъ монашеству дѣломъ. Извѣстенъ пещерскій миссіонеръ и мученикъ среди вятичей преп. Кукша съ ученикомъ. Есть много основаній думать, что Печерскіе иноки были распространителями христіанства въ Сузdalской землѣ или въ Залѣсьѣ, т. е. въ нашемъ краѣ⁵⁾.

¹⁾ Яковлевъ, 123, 137, 158, 176, 152—157.

²⁾ Тамъ же, 123.

³⁾ Тамъ же, 183, 130.

⁴⁾ Тамъ же, 156.

⁵⁾ Подробности см. въ нашей статьѣ *Значеніе Печерскаго монаст. въ начальной исторіи русской церкви и общества*, Бог. Вѣстн. 1896 г., окт., и отдельный оттискъ.

Печерскій монастырь былъ почитаемъ старѣйшимъ изъ русскихъ монастырей, потому что отъ него приняли уставъ всѣ русскіе монастыри того времени, хотя можетъ быть не во всей полнотѣ и строгости. Но вѣроятно вмѣстѣ съ уставомъ русскіе монастыри переняли отъ старѣйшаго монастыря, отъ „новоявленой печеры“, и примѣръ его служенія міру—молитву за мірянъ, учительство въ разныхъ видахъ, печалованіе и благотворительность, хотя, разумѣется, въ вѣ степени болѣе слабой. Слишкомъ скучны свѣдѣнія наши о монашествѣ за первый періодъ русской церковной исторіи, но всетаки ихъ достаточно для того, чтобы видѣть, что программа служенія міру, начертанная Феодосіемъ, оставалась неизмѣнной и общеобязательной для всего русскаго иночества первыхъ вѣковъ нашей церковной жизни. Фактъ учительности тогдашихъ иноковъ въ отношеніи къ мірянамъ не подлежитъ сомнѣнію. О преп. Варлаамѣ Хутынскомъ, представителѣ уже не кievскаго, а новгородскаго монашества, древнее житіе его свидѣтельствуетъ: „и отвсюду собирахуся къ нему князи и бояре и убозіи; онъ же никогда же не лѣнивъ бяше Господа ради учiti люди“. Указанные далѣе предметы поученій преподобнаго касаются мірской жизни, мірскихъ отношеній. Монахи часто бывали духовниками мірянъ,—прежде всего у князей и княгинь¹⁾. Мы имѣемъ полное право предполагать, что они гораздо чаще, чѣмъ бѣлые священники, занимали видную и выгодную пожитейски должность княжескаго духовника²⁾. Русскіе бояре, на-

¹⁾ *Феодосієвъ*, игуменъ Печерскій, духовный отецъ князя Давида Игоревича и его княгиви (*Ипат. лѣт.* 1112 г., 197 стр.); *Адріанъ*, игуменъ выдубецкаго Михайловскаго монастыря, духовный отецъ великаго князя Рюрика Ростиславича (*Тамъ же*, 1190 г., 448); *Симонъ*, игуменъ владимирскаго Рождественскаго монастыря, духовникъ великой княгини Маріи, жены Всеволода III (*Лавр. лѣт.* 1206 г., стр. 403, ср. *Лѣт. Пересл. Сузд.*, 108 стр.); *Пахомій*, игуменъ ростовскаго монастыря св. Петра, духовникъ князя Ростовскаго Константина Всеволодовича (*Тамъ же*, 1214 г., стр. 416); *Кириллъ*, игуменъ владимирскаго Рождественскаго монастыря, духовникъ князя Василька Константиновича (*Тамъ же*, 1231 г., стр. 433—434). Кромѣ поименованныхъ можно назвать еще предположительно *черноризца Гакова*, написавшаго посланіе духовному сыну своему Димитрю (по предположенію преосв. Макарія—великому князю Иаяславу Ярославичу, *Історія*, II, 156, 339—342).

²⁾ Извѣстенъ положительно за весь періодъ только одинъ княжескій

сколько извѣстно, также не чуждались иноковъ и выби-
рали ихъ себѣ въ духовники¹⁾. На исповѣдь въ монастыри,
къ духовникамъ іеромонахамъ хаживали и „смерды, иже
по селамъ живуть“ (т. е. крестьяне) ²⁾. До какой сте-
пени обширна бывала духовническая практика инока среди
мірянъ, объ этомъ можетъ свидѣтельствовать примѣръ Ав-
раамія Смоленскаго. Вслѣдствіе выдающейся учительности
подвижника на исповѣдь къ нему ходить „весь городъ“—бояре,
рабы, женщины и дѣти. Міряне бросаютъ прежнихъ духов-
никовъ и выбираютъ духовнымъ отцомъ себѣ учительного
Авраамія. Это вызываетъ гоненіе на преподобнаго со сто-
роны смоленскихъ поповъ и игуменовъ, лишившихся духов-
ныхъ дѣтей своихъ, (а вмѣстѣ съ тѣмъ и части доходовъ),—
судъ и осужденіе славнаго инока ³⁾. До какой степени
сложна была духовническая практика русскаго инока пер-
выхъ вѣковъ нашей церкви, насколько хорошо надо было
ему знать тогдашніе полуязыческіе нравы и быть русскихъ
христіанъ, тѣхъ христіанъ, которые такъ недавно „звѣри-
нымъ обычаемъ живяха“, и съ какой стороны слѣдовало на
нихъ воздействиѳ, лучшее свидѣтельство на этотъ счетъ
мы найдемъ въ Вопрошаніи Кирика (пол. XII в.), произве-
деніи типичнаго древнерусскаго духовника, іеромонаха Ан-
тоніева новгородскаго монастыря ⁴⁾. Приведенные данные съ
несомнѣнностью убѣждаютъ, что духовническая дѣятельность
монаховъ домонгольского или кievскаго періода среди мі-
рянъ была не исключительнымъ, а совершенно обычнымъ
явленіемъ. Это важный церковно-исторический фактъ.

Намъ неизвѣстны примѣры открытаго обличенія князей

духовникъ изъ бѣльцовъ: попъ Семьюнъ, духовный отецъ великаго князя Ростислава Мстиславича (*Ипат. л. 1168 г. 362—364*): предположительно—Іоаннъ, духовникъ князя Всеволода Юрьевича (*Лавр. лѣт. 1190 г. 387 стр.*).

¹⁾ Игумены пещерскіе преп. Феодосій и Стефанъ, какъ было упомянуто, состояли духовниками кievскихъ бояръ. Инокъ Зарубской пещеры Георгій пишетъ посланіе своему духовному сыну знатному юношѣ (издано *Срезневскими* въ Свѣдѣніяхъ о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ. вып. I, 54—57).

²⁾ Вопрошаніе Кирика. *Рус. Ист. Б—ки*, VI, 47—48,

³⁾ *Житіе преп. Авраамія Смоленскаго*, издано въ Прав. Соб. 1858, III; содержаніе его разсказано въ нашемъ очеркѣ *Древнерусскій духовникъ*, отд. отт. стр. 40—44.

⁴⁾ См. тотъ же нашъ очеркъ, стр. 63—94.

и имущихъ власть подвижниками того времени (это дѣлали тогда высшіе іерархи русскіе). Но обращеніе къ милосердію, заступничество за несчастныхъ осужденныхъ, печалованіе русскіе иноки считали своимъ дѣломъ. Игумены кіевскихъ монастырей печалуются предъ великимъ княземъ Святополкомъ за несчастнаго князя Василька Ростиславича, какъ только узнали объ ослѣпленіи, грозящемъ Васильку ¹⁾). Передъ тѣмъ же Святополкомъ митрополитъ и игумены печалуются за князя Ярослава Ярополковича и вымаливаютъ ему свободу ²⁾. Митрополитъ Константина I и „игумени вси“ ходатайствуютъ и съ успѣхомъ предъ Юріемъ Долгорукимъ за князя - изгоя Ивана Ростиславича Берладника, которому грозила смерть ³⁾. Заступничество прец. Варлаама Хутынскаго спасло жизнь одному осужденному преступнику, котораго новгородцы собирались сбросить съ моста въ Волховъ ⁴⁾.

Въ періодъ княжескихъ усобицъ иноки являются и миротворцами. Высшая іерархія древнійшей Руси считала это дѣло своею обязанностью. Но мы видимъ, — то вмѣстѣ съ митрополитами и епископами, то вмѣсто нихъ игумены древнерусскихъ монастырей мирять враждующихъ князей, утишаютъ расходившіяся страсти. Въ 1127 году, когда митрополита на Руси не было, Григорій, игуменъ кіевскаго Андреевскаго монастыря, почитаемый и князьями и народомъ, удерживалъ великаго князя Мстислава Владиміровича отъ кровопролитія. Отказываясь по совѣту игумена отъ войны, Мстиславъ нарушилъ крестное цѣлованіе. И Григорій съ соборомъ духовенства взялъ на себя княжескій грѣхъ клятвопреступленія. Князь ихъ послушалъ ⁵⁾. До какой степени видное

¹⁾ *Лавр. лѣт. 250; Инн. лѣт. 170, 1097 г.*

²⁾ *Лавр. лѣт. 265; Инн. лѣт. 181, 1101 г.*

³⁾ *Инн. лѣт. 1157 г., стр. 335.*

⁴⁾ *Житіе преп. Варлаама, Изд. О. Л. Др. Письм., 10—11.*

⁵⁾ *Лавр. лѣт. 282; Инн. лѣт. 210.* Вотъ примѣры, когда иноки являлись миротворцами вмѣстѣ съ представителями высшей іерархіи: игуменъ Спасскаго на Берестовѣ монастыря Петръ вмѣстѣ съ митр. Кирилломъ II и черниговскимъ еп. Порфиремъ 2-мъ въ 1230 г. (*Лавр. лѣт.*, 433); *Ефремъ*, игуменъ Богородицкаго монастыря, вмѣстѣ съ Порфиремъ 1-мъ, еп. черниговскимъ, ъездилъ для мира къ владимірскому князю Всеволоду и тотъ задержалъ ихъ на два года (въ 1177 г. *Инн. л.*

участіе принимали настоятели кіевскихъ монастырей въ дѣлѣ взаимныхъ княжескихъ отношеній, обѣ этомъ лучше всего свидѣтельствуютъ слова, сказанныя Мономахомъ и Святополкомъ князю Олегу Черниговскому: „поиди Кіеву, да порядъ положимъ о Русьстѣ земли предъ епископы и предъ игумены и предъ мужи отецъ нашихъ“¹⁾.

Благотворительность была въпрочемъ обычнымъ дѣломъ для лучшихъ обителей того времени. Ниже придется говорить о такой дѣятельности Хутинской обители *преп. Варлаама* въ XVI в. Благотворительность считалась тогда завѣтомъ, обычаемъ монастыря, заповѣдью самого преподобнаго подвижника; и навѣрно шла изъ его времени († 1192 г.).

Изъ XII стол. извѣстенъ на Руси аскетъ-писатель, который излагалъ высокіе идеалы монашескаго чина и описывалъ нормальный строй общежительного монастыря,— это *Кириллъ еп. Туровскій*, равѣе того — инокъ затворникъ или столпникъ. Въ посланіи къ Печерскому игумену Василию (избр. въ 1182 — 85 г.г.) онъ перечисляетъ рядъ тѣхъ духовныхъ оружій на противника діавола, которыя иноку дасть монастырь: „постъ, молитва, слезы, воздержаніе, чистота, любовь, смиреніе, покореніе, люботрудіе, неснисканіе“. Въ другомъ мѣстѣ совѣтуютъ монастырской братіи ревновать подвигу святыхъ отецъ, перегоняя другъ друга, какъ бѣгутъ ретивые кони въ стадѣ, преспѣвать „въ алканіи, въ бдѣніи, въ молитвахъ, въ служебныхъ трудахъ“²⁾. Въ числѣ обязательныхъ иноческихъ добродѣтелей епископъ-подвижникъ не называетъ ни одну изъ тѣхъ, которыя мы указывали въ средѣ монашества того времени—ни пастырскаго попеченія о душахъ мірянъ, ни милостыни, ни печалованія, ни ухода за больными. Могутъ отсюда заключать, что онъ и не признавалъ все это обязательнымъ. Но молчаніе еще никакъ нельзя считать равносильнымъ отрицанію. Притомъ же молчаніе Кирилла обѣ одной изъ добродѣтелей—о милостынѣ легко объясняется тѣмъ, что онъ предписываетъ трудно

¹⁾ *Михаилъ*, игуменъ Отрочьяго монастыря, вмѣстѣ съ смоленскимъ епископомъ Игнатиемъ (въ 1206 г., *Лавр. лѣт.*, 404).

²⁾ *Лавр. лѣт.*, стр. 222, 1096 г.

²⁾ „Повѣсть къ Василью игумену Печерскому, притча о бѣлоризцѣ человѣкѣ и о мнишествѣ“, *Пам. Росс. Словесности XII стол.*, 120 и 130.

совмѣстимую съ ней добродѣтель „чесніканія“, т. е. нестяжательность, христоподобную нищету. Даже еслибы Кириллъ Туровскій прямо и рѣшительно заявилъ, что перечисленные добродѣтели необязательны для монаха, или, что на лѣстницѣ подвижника онѣ только низшія ступени, то въ такомъ случаѣ еще являлся бы вопросъ, можно ли считать это выраженіемъ идеаловъ тогдашняго русскаго монашества. Есть основаніе сомнѣваться въ этомъ. Упомянутому Печерскому игумену Василію писано было „посланіе нѣкотораго старца“—неизвѣстнаго автора, по мнѣнію авторитетныхъ историковъ принадлежащее перу того же Кирилла еп. Туровскаго. На вопросъ Василія о великомъ и святомъ образѣ схимы, въ который игуменъ издавна желалъ облечься, неизвѣстный старецъ даетъ такой совѣтъ: написать свой пожизненный обѣтъ—постъ, или ночную молитву, или безмолвіе, или неисходное житѣе въ монастырѣ, или милостыню по рукамъ, или подаяніе всякому просящему, наконецъ негибѣливость¹⁾). Милостыня признается здѣсь обѣтомъ, совершенно приличнымъ высшему монашескому званію, образу схимника,—въ такой же степени, какъ ночная молитва, постъ или безмолвіе. *Она ставится на ряду съ высшими иноческими подвигами.*

II.

Русское монашество съ пол. XIV в., — пустынное. — Древне-русское пустынножительство. — *Преп. Сергій Радонежскій.* — Его благотворительная дѣятельность.—Заповѣдь служебнымъ чинамъ монастыря. — Похвальное слово и идеальный образъ преп. Сергія.—Благотворительность Троицкой лавры въ XV—XVII стол. (нищелюбіе, Пятницкая богадѣльня и страннопрѣбываніе).—*Ученики и собесѣдники преп. Сергія.* — Духовническая ихъ дѣятельность.—Княжескій духовникъ.—Печалованіе и благотворительность преп. Димитрія Прилуцкаго, Павла Обнорскаго, Кирилла Бѣлоозерскаго.—Миссионерство преп. Авраамія Чухломскаго и св. Стефана Пермскаго. — *Подвижники русскіе до к. XV в.* Діонісій Глушицкій, Григорій Пельшемскій; (новгородско-псковскаго края) Михаилъ Клопскій и Евфросинія Псковскій.

Съ половины XIV в. въ исторіи русскаго монашества замѣчаются новые, небывалыя раньше явленія. Возникаетъ

¹⁾ „Помолися Богу и сѣдѣ напиши свой обѣтъ смыслене, что хощеши до смерти хранити: въ недѣли или въ мѣсяци день или два хощеши поститися отъ брашна, или отъ пшітія, или обнощевати въ молитвѣ, или не бесѣдовати съ человѣки, или изъ монастыря въ обѣтный день не исходить.

усиленное монашеское движение и возникаетъ тамъ, гдѣ монастырей прежде было мало и монашество было слабо — въ сузdalской землѣ и въ заволжскомъ краѣ. За сто лѣть съ 1340 по 1440 г.г. выстроилось до полутораста новыхъ обителей, тогда какъ раньше за весь Киевскій періодъ ихъ извѣстно около 70, да за столѣтіе, протекшее [послѣ монгольского нашествія (1240—1340 г.г.)], прибавилось 30. Время преп. Сергія, его учениковъ и собесѣдниковъ — самая блестящая пора въ исторіи нашего монашества. Русские монастыри имѣютъ теперь важныя особенности. Большая часть ихъ прежде строилась на имѣнья князей и бояръ, а не слезами и постомъ подвижниковъ, преобладающее число ихъ были монастыри ктиторскіе. Теперь же гораздо чаще монастыри строятся самими иноками. Это значитъ, что прежде монашество насаждалось главнымъ образомъ искусственно, теперь оно ростетъ органически. Въ связи съ этимъ стоитъ другое важное различіе между русскими обителями сравниваемыхъ періодовъ. „До половины XIV в. почти всѣ монастыри на Руси возникали въ городахъ или подъ ихъ стѣнами; съ этого времени рѣшительный численный перевѣсь получаютъ монастыри, возникшіе вдали отъ городовъ, въ лѣсной глухой пустынѣ, ждавшей топора и сохи“, какъ выражается проф. В. О. Ключевскій. Съ половины XIV в. наше монашество впервые получаетъ *пустынный характеръ*, вѣнчаній видѣь отщельничества. Но измѣнилось ли оно внутреннимъ образомъ? Поставило ли себѣ новыя задачи, начертало ли иные, неизвѣстные древнѣйшему времени, идеалы? Можетъ быть въ заботахъ о личномъ спасеніи пустынныя иноки освободили себя отъ тѣхъ обязанностей служенія миру, которыхъ несло русское городское монашество съ XI до половины XIV вв.? Нѣть, монашество наше не измѣнилось внутренно никакъ, — не поставило оно новыхъ задачъ, не начертало себѣ неизвѣстныхъ прежде идеаловъ и не ушло отъ обязанностей служить покинутому имъ миру.

дити, или милостыню ручную творити, или всяко прошеніе къ человѣко изъ подати (подавать всякому просящему), или гнѣвъ отдать“. (Приб. къ Твор. св. Отц. X, 349—350); ср. *Макарія*, Исторія, III, 154—157; *Срѣзневскаго*, Матеріали для словаря др. русскаго языка, I, указатель сокращеній, 25. Е. Е. Голубинскій (Исторія, изд. 2-ое, I, 1, 810), сомнѣвается въ принадлежности посланія Кириллу Туровскому.

Въ русскомъ пустынномъ монашествѣ не возродилось древнее восточное анахоретство. И когда идетъ рѣчь о русскомъ отшельничествѣ, то его слѣдуетъ понимать въ очень относительномъ смыслѣ. Нисколько не преувеличивая слѣдуетъ сказать, что пустыножительство въ полномъ видѣ не удалось нашимъ древнимъ искателямъ уединенія и безмолвія. Съ половины XIV в. наблюдается на Руси любопытное явленіе, которое объясняется всецѣло историческими условіями монгольского времени, явленіе неизвѣстное по мѣстнымъ условіямъ на востокѣ. Его принято называть монастырской колонизаціей. Удаляясь отъ людей въ непроходимую лѣсную глушь, которая собственно и называется на древнерусскомъ языке пустыней, отшельникъ недолго подвижается одинъ, „единъ единствуя“, посѣщаемый только звѣрями. Лишь только пойдетъ въ народѣ молва о немъ, затѣмъ легкимъ перомъ пронесется слава, какъ въ лѣсную пустыню къ малой келейцѣ безмолвника одинъ за другимъ собираются его будущіе сожители и сподвижники. Съ топоромъ и мотыкой (—заступъ) они трудятся своими руками, труды къ трудамъ прилагая, сѣча лѣсъ, насѣвая поля, строя кельи и храмъ. Выростаетъ монастырь. И къ шуму вѣковаго лѣса, къ дикому вою и реву волковъ и медведей присоединяется теперь новый, правда сначала слабый звукъ,—„гласъ звонящъ“. И какъ будто на этотъ зовъ новаго голоса, на привѣтный звонъ монастырского била къ обители являются крестьяне. Они безпрепятственно рубятъ лѣса, пролагаютъ дороги въ непроходимыхъ раньше дебряхъ, строятъ вблизи монастыря дворы и села, поднимаютъ цѣлину и *искажаютъ пустыню* и не щадятъ и превращаютъ её въ чистыя поля, какъ жалуется Епифаній Премудрый, ученикъ и жизнеописатель преп. Сергія. Безмолвіе пустыни прекращается. Истинные искатели уединенія жалуются на это, заявляя, что „молва“ (суeta) въ пустынѣ не лучше городского „мятежа“ (шума), что молва эта опасна даже для совершенныхъ¹⁾. Но пустынный монастырь всетаки остается въ сосѣствѣ съ

¹⁾ Разумѣемъ слѣдующія строки изъ житія преп. Павла Обнорскаго: „яже бо въ пустыняхъ молва ничимъ же градскихъ мятежъ разнѣствуетъ, сибо и съвершенныхъ пакостили обычай безстрастныхъ“. *Ркн. Вол. Б-ки № 659, л. 178 и об.*

міромъ. Если раньше монастырь стоялъ въ самомъ городѣ или вблизи его стѣнъ, то теперь за стѣнами монастыря располагается село, которое разрастаясь превращается въ посадъ или также въ городъ. Послѣ крестьянъ въ обитель язляются христолюбцы — князья или бояре, даютъ братіи обильную милостыню деньгами и припасами, дѣлаютъ богатые вклады въ монастырь угодьями и селами съ людьми. Это обстоятельство грозить монастырю гораздо большею опасностью, чѣмъ крестьянское искаженіе пустыни. Вмѣстѣ съ стяжательностью, богатствомъ и вотчинами постепенно, а иногда и быстро, падаетъ строгая дисциплина въ обители и начинается „многомятежное міра сего житіе“.

Описанное движеніе вызвано было величайшимъ подвижникомъ русской земли, вторымъ отцомъ нашего монашества, преп. Сергиемъ Радонежскимъ, который по выражению его жизнеописателя былъ „игуменъ множайшей братіи и отецъ многимъ монастыремъ“, а по лѣтописцу „начальникъ и учитель всѣмъ монастыремъ, иже въ Руси“¹⁾. Мы не видимъ никакой нужды описывать всѣмъ знакомый образъ „чуднаго старца“, „тихаго, кроткаго и смиреннаго игумена радонежскаго“. Постараемся отмѣтить только тѣ стороны его святой личности, которыя объяснятъ намъ его отношенія къ міру.

Жизнеописателя въ личности преп. Сергія поражала черта, которую онъ [упоминаетъ трижды: *равная любовь ко всѣмъ*. „Бяше бо Бога возлюби всѣмъ сердцемъ своимъ и ближняго своего, яко и самъ ся; *равно бо любяще всѣхъ и всѣмъ добро творяще* и вси ему благотворяху; и къ всѣмъ любовь имяше, и вси къ нему любовь имаху и добрѣ его почитаху“²⁾. Равная любовь ко всѣмъ—вотъ первое обстоятельство, которое не допускало того, чтобы подвижникъ относился къ міру безучастно.

Книжный человѣкъ своего времія, можетъ быть даже выдающійся въ этомъ отношеніи, преп. Сергій руководился въ своей подвижнической дѣятельности житіями и примѣрами древнихъ устронтелей и законоположниковъ восточ-

¹⁾ Житіе преп. Сергія, изд. Общ. Люб. Др. П., 43 стр. Н. С. Р. Л. VIII, 62.

²⁾ Житіе, стр. 35. ср. похв. слово, стр. 150, 155—156.

наго монашества. И здѣсь онъ находилъ то, что соотвѣтствовало его собственнымъ стремлениямъ. Его поражали въ древнихъ подвижникахъ не одни подвиги личнаго ихъ усовершенствованія, борьба и побѣда надъ злыми духами, но и служеніе людямъ—исцѣленіе недужныхъ, избавленіе въ бѣдахъ и въ смертныхъ опасностяхъ, помощь на путахъ и на морѣ. Въ житіи Антонія Великаго, отца отшельническаго монашества, а также и въ житіяхъ общежителей—Пахомія, Евсімія, Саввы Освященнаго, Феодосія Киновіарха и другихъ, онъ видѣлъ *примѣры, обязывающіе инона* къ *благотворительной дѣятельности*. Названные подвижники представлялись преподобному Сергію въ такомъ видѣ: цѣлители болѣзней, „недостающимъ обильніи представители, вдовамъ и сиротамъ неистощаемое сокровище“¹⁾). Это чрезвычайно важный фактъ, который слѣдуетъ отмѣтить. Второго отца русскаго монашества обязанностямъ служенія міру поучали *примѣры древнихъ устроителей монашескаго житія*.

Не остались безъ вліянія на преп. Сергія и завѣты древнѣйшаго русскаго монашества, особенно *примѣръ преп. Феодосія Печерскаго*, которому какъ образцу подражалъ въ своемъ управлениі монастыремъ радонежскій игуменъ. Преп. Сергій, какъ известно, не былъ какимъ-нибудь новаторомъ для русскаго монашества, а только его исправителемъ или восстановителемъ. Тотъ же самый общежительный уставъ, который ввелъ въ свое время преп. Феодосій, а послѣ него ослабили потомъ забыли русскіе монастыри, вводить и преп. Сергій въ монастыряхъ имъ основанныхъ; затѣмъ его много-

¹⁾ „Помышляше (преп. Сергій) во умѣ житія великихъ свѣтиль, иже въ плоти живущеи на земли ангельски пожиша, реку Антонія великаго Евсімія, Савву освященнаго, Пахомія ангеловиднаго, Феодосія общежителя и прочихъ. Сихъ житію и нравамъ удивляся блаженный, како штотиши суще бесплотныи враги побѣдиша, ангеломъ служители быша, діаволу страшніи, имже цари и человѣки удивльшеся къ нимъ пристаху, болящеси различными недуги исцѣльваху и въ бѣдахъ тепліи избавители и отъ смерти скоріи заступници, на путехъ и на мори ие трудніи шественицы, недостатствующимъ обильніи представители, нищими кормилети, вдовамъ и сиротамъ неистощаемое сокровище по божественному апостолу: акы ничтожъ имуще, а вся содержаше. Сихъ житія на сердци имъ, блаженныи молящеся Св. Троицї, дабы неевзратно іеествовать по стопамъ сихъ преподобныхъ отецъ“. Житіе, 74—75 стр.

численные ученики и собесѣдники устрояютъ общее житіе въ своихъ обителяхъ; добруму примѣру ихъ слѣдуютъ и посторонніе монастыри ¹⁾). Возможно, что подражая Печерскому подвижнику въ своей монастырской дѣятельности, преп. Сергій одушевлялся его примѣромъ и въ дѣлѣ служенія міру.

Равная любовь ко всѣмъ, обязательные примѣры служенія ближнимъ, извлеченные изъ житій устроителей христіанского монашества, наконецъ примѣръ преп. Феодосія Печерскаго,—все это помогаетъ преп. Сергію стать для русской земли тѣмъ, чѣмъ онъ сталъ: нравственнымъ воспитателемъ народа, инокомъ, который идеальнымъ образомъ соединилъ въ своемъ лицѣ и житіи и рѣдкую степень подвижничества и рѣдкое по высотѣ и по вліянію служеніе міру.

То значеніе, которое имѣлъ преп. Сергій для своего времени, для политической жизни тогдашней Руси совершенно исключительно, такъ сказать неповторимо; къ тому же оно достаточно извѣстно ²⁾). И это даетъ намъ возможность прямо обратиться къ тому, что дѣлалъ на пользу міру самъ великий подвижникъ, завѣщаю ю братіи монастыря, а чрезъ нее и *всему русскому монашеству, дѣлать это послѣ себя и вслѣдъ за собою.*

Одинъ лихоимецъ, жившій близъ монастыря преп. Сергія, обидѣлъ бѣднаго человѣка—„сироту“ (повидимому холопа),—отнялъ у него, а потомъ зарѣзалъ борова. Сирота ищетъ защиты у радонежскаго игумена. Подвижникъ призываетъ обидчика, вынуждаетъ къ обѣщанію отдать деньги за отнятое и чудеснымъ образомъ принуждаетъ его исполнить свое обѣщаніе ³⁾). Разсказывая этотъ случай печалованія, Епифаній Премудрый называетъ преп. Сергія милостивымъ, утѣшителемъ скорбныхъ, заступникомъ нищихъ и помощникомъ убогихъ. Но милосердый подвижникъ, имѣвшій нравъ „милостивый, добросердый, нищелюбивый и

¹⁾ Подробнѣе объ этомъ въ юбилейной рѣчи Е. Е. Голубинскаго О значеніи преп. Сергія въ исторіи нашего монашества., Богосл. Вѣсн. 1892. ноябрь.

²⁾ Надѣюсь давніе читатели нашего журнала помнятъ рѣчь проф. В. О. Ключевскаго на томъ же академическомъ торжествѣ въ память 500-лѣтія преп. Сергія (Б. В. 1892 г. ноябрь),—*Значеніе преп. Сергія Радонежскаго для русскаго народа и государства.*

³⁾ Житіе преп. Сергія, изд. О. Л. Др. П. 138—139.

страннолюбивый¹⁾, не только лично помогалъ бѣдному, обездоленному люду; онъ заставилъ ему служить и свой монастырь. Жизнеописатель разсказываетъ о введеніи общежитія въ Радонежской обители, объ установлениі монастырскихъ чиновъ, относительно умноженія монашествующей братии и увеличенія запасовъ въ обители. Далѣе онъ сообщаетъ о благотворительности монастыря. При жизни преп. Сергія Троицкій монастырь не владѣлъ вѣроятно вотчинами, поэтому главнымъ источникомъ, изъ котораго почерпались средства благотворить, служили приносы мірянъ. „И елика въ обители приносимая умножахуся, толма паче страннолюбная возрастаху, читается далѣе въ житіи: и никто бо отъ неимущихъ, въ обитель приходя, тщама рукама отхождаше, николи же блаженныи оставляше благотворенія и служащими въ обители заповѣда: нищихъ и странныхъ довольно упокоевати и подавати требующимъ, глаголя: „аще сію мою заповѣдь сохраните безъ роптанія, мзду отъ Господа пріимете, и по отхожденіи моемъ отъ житія сего обитель моя зѣло распространится, и въ многи лѣта неразрушима постоить благодатю Христовою“. И тако бѣ рука его простерта къ требующимъ, яко рѣка многоводна и тиха струями“. Въ зимнее время—въ крѣпкіе морозы и сильныя метели заѣхавшіе въ монастырь путники проживали столько времени, сколько продолжалась непогода, получая полное содержаніе отъ монастыря. Этого мало. Заповѣдь преп. Сергія обнимала и уходъ за больными. „Странніи же и нищіи и отъ нихъ въ болѣзни сущіи, на многи дни препочиваху въ довольноупокоеніи и пищи, ея же кто требовалъ, неоскудно по заповѣди святого старца, и до нынѣ симъ тако бывающимъ“. Когда около монастыря проложена была большая дорога отъ Москвы къ Ростову и пошло оживленное движение, въ обитель преп. Сергія заѣзжало особенно много путниковъ. Князья и воеводы заходили сюда съ отрядами войска и все получали пищу и питье. Съ радостью, какъ увѣряетъ жизнеописатель, „служащіе въ обители“ подавали всѣмъ изобильно²⁾.

¹⁾ Похвальное слово, Тамъ же, стр. 148.

²⁾ Житіе, 108—109; Ср. Симона Азарина, Книга о новоизвѣненныхъ чудесахъ, 14 стр.

Присмотримся къ этому важному свидѣтельству. Изъ него прежде всего мы видимъ, что преп. Сергій *самъ* лично занимался дѣлами, связанными съ благотворительностью, и не покидалъ ихъ изъ предпочтенія какому-либо другому дѣлу („никогда жъ блаженный оставляше благотвореніе“). Далѣе. Авторъ житія, современникъ и ученикъ преподобнаго, помѣщаетъ описание той организаціи, которую получила благотворительность въ обители, непосредственно за разсказомъ о введеніи общежитія въ монастырь, даже, точнѣе будетъ сказать, въ одномъ отдѣлѣ „о составленіи общаго житія“. Это значитъ, что организацію благотворительности онъ представляетъ естественнымъ продолженіемъ заботъ великаго подвижника по устроенію обители, самую благотворительность въ перечисленныхъ видахъ—*неотъемлемой чертой общежительного строя монастыря*. И дѣйствительно: взаимная связь двухъ частей разсказа самая твердая и естественная. Введя общежительный уставъ, учредивъ необходимыхъ въ устроенной киновіи чиновъ—*по службамъ*: келаря, служащихъ въ поварнѣ и въ хлѣбной, больничныхъ старцевъ—„еже немощнымъ служити со всякимъ прилежаніемъ“, и другихъ, а для церкви уставивъ своихъ чиновъ: екклесіарховъ съ помощниками и прочихъ, преподобный налагаетъ на служебныхъ чиновъ монастыря кромѣ внутреннихъ монастырскихъ дѣлъ и обязанности къ мірянамъ—стряно-любіе, нищетолюбіе и уходъ за больными, вѣроятно сообразно съ функціей того или иного чина, напр. уходъ за больными бѣдняками изъ мірянъ онъ налагаетъ на больничныхъ старцевъ и проч. Подвижникъ не ожидалъ особенного усердія со стороны братіи въ этомъ дѣлѣ и тѣмъ настойчивѣе даетъ онъ свое предписаніе. Въ формѣ игуменской или старческой заповѣди, которая, какъ извѣстно, „имѣеть обязательную силу“, онъ даетъ это предписаніе служебнымъ чинамъ своей обители. Поступая такъ, онъ нисколько не сомнѣвается, что воля его будетъ исполняться, пока монастырь будетъ его монастыремъ, но очевидно и не ожидаетъ охотности въ соблюденіи заповѣди; предвидѣтъ, что своею принудительностью она будетъ тяготить экономныхъ келарей или скучныхъ казначеевъ. Вотъ почему преп. Сергій обѣщаетъ за исполненіе своей заповѣди безъ роптанія тѣми, кому она дана,—„обитель моя зѣло распространится и въ многи лѣта

неразрушима постоить“, связывая такимъ образомъ процвѣтаніе и судьбу своей обители съ исполненіемъ этой заповѣди.

Какъ принята была заповѣдь въ обители, мы не знаемъ точно. Но только вслѣдъ за приведеннымъ разсказомъ Епифаній Премудрый повѣствуетъ о возстаніи въ монастырѣ противъ „старѣйшины Сергея“ и обѣ удаленіи игумена на рѣку Киржачъ. Тоже самая братія, которая раньше съ такою настойчивостью принуждала преподобнаго принять игуменство, ропщетъ на него, даже возстаетъ, присоединяется къ родному брату его Стефану, искашему кажется игуменства, и заставляетъ подвижника уйти изъ своего монастыря. Что вызвало ропотъ и возстаніе, по житію неясно¹⁾. Самое естественное думать, что все преобразованіе монастыря въ строгое общежитіе, а въ частности и обязательная благотворительность вызвали неудовольствие братіи. Но вернувшись на игуменство въ радонежскую обитель, преп. Сергій настоятель на введеніи общежительного устава, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на исполненіи своей заповѣди. Это ясно изъ того, что когда писалось житіе преп. Сергія, 26 лѣтъ спустя послѣ его смерти, благотворительная дѣятельность обители процвѣтала, какъ говорить о томъ Епифаній (см. выше... „и донынѣ симъ тако бывающимъ“). Симонъ Азарьинъ, келарь Троицкой лавры, свидѣтельствуетъ, что въ его время, въ половинѣ XVII в., заповѣдь преп. Сергія о благотворительности соблюдалась нерушимо²⁾. Есть мнѣніе, что самъ преподобный устроилъ ту благодѣльную для пріема увѣчныхъ и больныхъ, которая существовала послѣ при Введенской церкви³⁾.

Въ похвальномъ словѣ преп. Сергію длиннымъ рядомъ эпитетовъ, приложенныхъ къ святому, тотъ же Епифаній Премудрый, описываетъ подвижника какъ общественного дѣятеля⁴⁾. Нѣкоторые эпитеты оправдываются приведенными

¹⁾ См. Е. Е. Голубинскій, Преп. Сергій Радонежскій и созд. имъ Троицкая лавра, стр. 33—35 и прим. 37 на стр. 91—92.

²⁾ Симонъ Азарьинъ, 14 стр.

³⁾ Иером. Арсеній, Христорождественская церковь въ Сергиевскомъ Посадѣ. Ч. О. И. и Др. 1991 г. III кн. 11 стр. Ср. Е. Е. Голубинскій, Преп. Сергій Радонежскій, 31.

⁴⁾ „Сиротамъ аки отець милосердъ, вдовицамъ яко заступникъ тепль,

выше данными житія, другіе даютъ новый матеріалъ, а всѣ въ совокупности они рисуютъ обширную, многостороннюю и даже систематическую дѣятельность подвижника среди мірянъ. Дѣятельность эта направлялась къ возстановленію правды и справедливости въ обществѣ обличеніемъ грабителей и насильниковъ, заступничествомъ за обиженныхъ вдовъ, выкупомъ плѣнныхъ, должниковъ и рабовъ,—къ облегченію участіи нищихъ милостыней, недужныхъ уходомъ, къ насыженію въ христіанскомъ обществѣ милосердія (печалованіемъ), взаимнаго мира, христіанскаго смиренія, трезвости. Есть въ похвальномъ словѣ указаніе на учительную дѣятельность преп. Сергія среди мірянъ и намекъ на духовничество¹⁾. Впрочемъ, въ данномъ случаѣ совершенно естественно возраженіе, что похвальное слово—недостаточно надежный историческій источникъ, что въ длинномъ рядѣ эпитетовъ слѣдуетъ видѣть плодъ неудержимаго краснорѣчія премудраго агіографа, а во все не историческія черты въ личности преп. Сергія. Нельзя не согласиться отчасти съ подобнымъ возраженіемъ. Возможно, что Епифаній въ разсказѣ о служеніи міру преп. Сергія отчасти прибавляетъ черты, которыхъ самъ же онъ не отмѣтилъ въ его житіи и которыхъ можетъ быть не было въ дѣйствительности. Но этимъ путемъ мы получаемъ новый немаловажный фактъ. Получаемъ именно, что въ такомъ литературномъ образѣ,

печальнымъ утѣшеніе, скорбящимъ и сѣтующимъ радосттворецъ, растущимся и гнѣвающимся миротворецъ, нищимъ же и маломощнымъ сокровище неоскундное, убогимъ пеимущимъ повседневная пища великое утѣшеніе, болящимъ въ мнозѣхъ недузѣхъ посѣтитель, изнемогающимъ укрѣпленіе, малодушнымъ утвержденіе, безвременнымъ печальникъ, обидимымъ помощникъ, насильствующимъ и хищникомъ крѣпокъ обличитель, сущимъ въ плѣненіи отпущеніе, въ работахъ сущимъ сбереженіе, въ темницахъ въ узахъ держимымъ избавленіе, должностнымъ искупленіе, просящимъ подаяніе, піаницамъ истрезвѣніе, горделивымъ цѣломудріе, чужая грабящимъ востягновеніе, лихомицемъ возбраникъ, грѣшникомъ кающимся вѣрный поручитель и всѣмъ притекающимъ къ нему акы къ источнику благопотребну". (*Житіе прп. Сергія*, изд. О. Л. Др. П., 149). Ниже читаемъ: „многихъ научи душеполезными словесы и на покаяніе къ Богу обрати“. (Тамъ же, стр. 151).

¹⁾ „Многихъ научи душеполезными словесы и на покаяніе къ Богу обрати“ (стр. 151)... „грѣшникомъ кающимся вѣрный поручитель“, (стр. 149). Это единственный и не совсѣмъ твердый свидѣтельства по вопросу о духовничествѣ преп. Сергія среди мірянъ.

или въ идеальномъ образѣ всесторонняго благотворителя отецъ великорусскаго монашества является въ представлениі его непосредственныхъ учениковъ. Память о немъ въ потомствѣ хранилась въ такомъ видѣ. А это, разумѣется, направляло въ соотвѣтствующую сторону древнерусскіе идеалы монашества, отражалось на жизни лучшихъ монастырей и въ житіи лучшихъ подвижниковъ.

Въ лаврѣ преп. Сергія живѣе, чѣмъ гдѣ-либо, хранилась такая память объ основателѣ; долгое время болѣе или менѣе твердо соблюдались здѣсь его завѣты. Когда умиралъ преп. Никонъ († 1427 г.), преемникъ Сергіевъ по игуменству, въ своемъ поученіи братіи онъ много говорилъ о „безмолвії, матери добродѣтелемъ“, потомъ о „человѣколюбії слово приложи рекъ: аще есть мощно, ни единаго приходящихъ тщама отпустити рукама, да не како утаится вамъ Христа презрѣти, единаго отъ просящихъ видомъ показавшася“ (т. е. чтобы не случилось вамъ по незнанію презрѣть Христа, явившагося въ образѣ нищаго) ¹⁾. Не ясно ли, что преп. Никонъ раздѣлялъ воззрѣнія своего святого наставника относительно обязательности пищелюбія? Кормленіе нищихъ, снабженіе ихъ потребнымъ было постояннымъ дѣломъ Радонежскаго монастыря. И не столько считаясь съ наличностью своихъ запасовъ, сколько откликаясь на степень народной, мірской нужды, Сергіева обитель то усиливала, то ослабляла свою благотворительность. Въ тяжелые годы смутнаго времени монастырь преп. Сергія прославился не только своею патріотическою дѣятельностью, но и широкой благотворительностью для народа, разоренаго смутой, не смотря на то, что разореніе сильно отразилось и на хозяйствѣ самого монастыря. „Нагимъ одѣжда бысть, говорить Симонъ Азаринъ о Троицкой Лаврѣ, страннымъ упокоеніе, нищимъ и гладнымъ прекормленіе, отъ мраза изгибающимъ теплое утѣшеніе, страннымъ и раненнымъ и конечно изыхающимъ отпускъ отъ сего свѣта съ напутствіемъ вѣчнаго живота, мертвымъ же погребеніе бываше“ ²⁾.

Еще въ XV в., близко ко времени преп. Никона, подъ монастырской горой „на Подолѣ“ построена была Введенская церковь, которая по придану въ честь великомуученицы Нар-

¹⁾, Житіе преп. Никона, изд. въ Москвѣ въ 1646 г., л. 188 об.

²⁾ Симонъ Азаринъ, 18 стр.

скевы называется Пятницкой. Церковь служила приходскимъ храмомъ для слугъ и служебниковъ монастыря, поселившихся по рѣчкѣ Кончурѣ. При церкви Введенія чуть ли не вмѣстѣ съ ея построениемъ возникъ домъ призрѣнія для нищихъ, точище для увѣчныхъ—„лежней“,—для тѣхъ больныхъ нищихъ, которые не въ силахъ ходить по сбору милостыни. Эта домъ призрѣнія носилъ еще название *богадѣльни или больницы*: а вся группа строеній—две церкви съ богадѣльней—называлась *Подольнымъ монастыремъ*. Такими интересными чертами описывается связь между лаврой и пріютившимся около нея Подольнымъ монастыремъ мѣстный историкъ: „богослуженіе отправляли (свои) приходскіе священники; а попеченіе о странныхъ, нищихъ и больныхъ лежало на обязанности монаховъ“. Иночі здѣсь были смотрителями и строителями, „подольными старостами“. „Введенская подольная церковь первоначально носила название приходской церкви и *багадѣльного монастыря*¹⁾. Такъ монастырь преп.

¹⁾ *Иер. Арсеній*, Введенская и Пятницкая церковь въ Сергиевомъ Посадѣ, Ч. О. И. и Др. 1894, 4 т. стр. 3—4. Ср. *Е. Е. Голубинскій*, Преп. Сергій Радонежскій и созданная имъ Троицкая лавра, 263—264 стр. Дальнѣйшая *исторія троицкой богадѣльни* такова. Въ 1547 г. при построеніи каменныхъ церквей Введенской и Пятницкой (вмѣсто одной деревянной—Введенской) ее причислили къ этой послѣдней и перевели на то мѣсто, гдѣ теперь стоитъ построенный въ 1892 г. страннопріимный домъ лавры. На этомъ же мѣстѣ „возлѣ Пафнутиева сада“ упоминается эта богадѣльня въ 1737 г., съ двумя отдѣленіями — мужскимъ и женскимъ, каждое по 50 кроватей. Не разъ она горѣла. Здѣсь мужская богадѣльня простояла до 1770 г., затѣмъ переведена на Вознесенскую гору „не въ отдаленіи отъ Вознесенской церкви и большой дороги“, гдѣ уже находилась богадѣльня женская. Въ 1789 ветхое зданіе мужской богадѣльни было продано и построено новое съ отдѣленіемъ для женской „противъ Рождественской церкви въ линію съ лавками“, близъ нынѣшняго дома призрѣнія.—Когда то, не позже только первой половины XVI стол., на Подольѣ былъ *открытъ настоящій монастырь*. *Судьба этого монастыря* (при Пятницкой собственно церкви) слѣдующая. Первый разъ онъ упоминается въ 1547 г. Во второй половинѣ XVI в. быть закрываемъ. Незадолго до прихода поляковъ быть восстановленъ. Во время осады померло 22 его монаха, укрывшіеся въ лаврѣ, а монастырь быть выгнанъ. Возстановленъ онъ до 1641 г., но уже женскимъ, а не мужскимъ. Въ 1660 году обращенъ въ приходскую церковь, а старицы переведены въ Хотьковъ. Въ недавнее время лавра присоединила Пятницкую церковь къ себѣ и пятницкій приходъ закрыть. См. *Арсеній*, О служкахъ Троицкаго монастыря, Ч. О. И. и Др. 1867, III, 8: Пятницкая церковь, 5—6; *Е. Голубинскій*, 261, 265.

Сергія самимъ дѣломъ исполнялъ заповѣдь святого—поконить „на многи дни“ нищихъ „и эти нищъ въ болѣзни сущихъ“...

Богомольцевъ, которые приходили по вся годы на поклоненіе мощамъ чудотворца, „не бѣ числа“, какъ передаетъ Симонъ Азарынъ, келарь Троицкой лавры. И эти посѣтители лавры, если не безчисленные, то несчитанные, всѣ почитались гостями преп. Сергія и его обители, получали отъ нея полное содержаніе во время богомолья, подарки и необходимое продовольствіе на путь. „И аще кто восхощеть увѣдати и сія поистиннѣ, пишеть Симонъ, и той изъ монастырскихъ книгъ келарскія и казенные службы выписавъ, и увѣрится истинно, како честь и дары пріимаютъ и на путь емлють“. Дары, какими чествовались наиболѣе знатные гости, были вѣроятно значительны. По крайней мѣрѣ заѣзжихъ греческихъ іерарховъ осуждали въ XVII стол. за то, что они їздятъ въ Троицкую обитель, чтобы принимать дары, въ другіе же монастыри, гдѣ такихъ даровъ не давали, они и не заглядывали¹⁾). Неизвѣстно, давались ли подарки простымъ гостямъ преподобнаго. Но несомнѣнно, что всѣ богомольцы питались отъ щедротъ монастыря. Въ народѣ сложилось предположеніе, будто въ монастырѣ есть такой мѣдный горшокъ, который готовилъ безъ излишка и недостатка именно столько постнаго кушанья, сколько было нужно для несчитанныхъ тысячъ гостей, пришедшихъ на праздникъ въ обитель²⁾). Такъ исполнялась прежде въ обители заповѣдь странолюбія³⁾.

Многочисленные ученики и собесѣдники преп. Сергія, представлявшіе цвѣтъ русского монашества конца XIV и начала XV в., не измѣнили никакъ тѣмъ идеаламъ иночества и тѣмъ формамъ служенія міру, какія завѣщалъ имъ великій подвижникъ. Подмѣчено, что подъ „воспитательнымъ руководствомъ“ (преп. Сергія) лица не обезличивались, личныя свойства не стирались, каждый оставался самъ собой и, становясь на свое мѣсто, входилъ въ составъ слож-

¹⁾ Симонъ Азарынъ, 3—4, ср. 2 стр.

²⁾ Герберштейнъ, Записки о Московіи, рус. пер. Анонимова, стр. 68.

³⁾ Читатель можетъ предположить, что свою рѣчь мы направляемъ противъ современной лавры преп. Сергія. Но ниже онъ самъ увидитъ, что своею исторической справкой мы вовсе не имѣемъ въ виду судить и осуждать великую лавру.

наго и стройного цѣлага“¹⁾. Дѣйствительно, изъ самостоятельной ихъ жизни и дѣятельности мы видимъ, что ученики преп. Сергія (тѣмъ болѣе собесѣдники) были лично представителями не одного, а разныхъ видовъ христіанскаго подвижничества. Но между ними много общаго. Тѣ изъ нихъ, которые сами построили обители, непремѣнно вводили въ нихъ тотъ же общежительный уставъ, что и преп. Сергій, а вмѣстѣ съ общежительнымъ строемъ, какъ составную его часть, и тѣ формы служенія миру, которыя установилъ своею заповѣдью и освятилъ своимъ примѣромъ радонежскій подвижникъ. Къ тому же и Троицкій монастырь вліялъ своимъ примѣромъ; для младшихъ обителей онъ былъ приблизительно тѣмъ же, чѣмъ преп. Сергій для своихъ учениковъ: „великая лавра“—такъ называлась Троицкая обитель въ отношеніи къ монастырямъ учениковъ и собесѣдниковъ Сергія.

Пастырство среди мірянъ для подвижниковъ, вышедшихъ изъ школы преп. Сергія, было обычнымъ дѣломъ. Многіе изъ нихъ несомнѣнно состояли духовниками у князей и вѣроятно у менѣе знатныхъ вѣрующихъ. Стефанъ, родной братъ преп. Сергія, былъ духовнымъ отцемъ московскаго князя Симеона Гордаго²⁾; братаничъ преподобнаго (племянникъ по брату, сынъ того же Стефана) Феодоръ, архимандритъ Симоновскій — духовный отецъ Димитрія Донскаго и тысяцкаго³⁾. Преп. Савва Сторожевскій былъ духовникомъ князя Юрія Дмитріевича Звенигородскаго⁴⁾; преп. Кирилль Бѣлоозерскій — князя Андрея Дмитріевича Можайскаго⁵⁾; преп. Никонъ — Владимира Андреевича Серпуховскаго⁶⁾.

Выгодна и почетна была въ древней Руси должность княжескаго или великокняжескаго духовника. Она служила для рядовыхъ людей вѣрной ступенью на той служебной лѣстницѣ, которую восходили они на епископское сѣдалище, и потому являлась предметомъ ис坎ій и домогательствъ. Но

¹⁾ Проф. В. О. Ключевскій, Рѣчь о значеніи преп. Сергія, Бог. Вѣстн. 1892 г., ноябрь, 197.

²⁾ Житіе преп. Сергія, 41—42; Житіе митр. Алексія, Изд. Общ. Л. Др. П., 14.

³⁾ Никон. Лѣтоп. IV, 92; П. С. Р. Л. VIII, 32. Ср. Ключевскій. Житія святыхъ, стр. 109.

⁴⁾ Житіе преп. Саввы, ркп. Волок. Б—ки, № 381, л. 126 и об.

⁵⁾ Ист. Рос. Iер. IV, 418. Духовная преп. Кирилла.

⁶⁾ Собр. Госуд. Гр. и Догов. I, стр. 79.

для истинного подвижника Христова, который ничего не искалъ, никогда не былъ златоносцемъ и хотѣлъ навсегда оставаться въ нищетѣ, эта почетная придворная должность служила порой источникомъ столкновеній и огорченій. Любопытный фактъ разсказывается въ житіи ученика Кирилла Бѣлоозерскаго преп. *Мартиніана* († 1483 г.). Василій Темный поставилъ его игуменомъ Троице-Сергіева монастыря и выбралъ въ духовные отцы себѣ. Въ то время одинъ бояринъ перешелъ отъ московскаго князя на службу къ тверскому. Василію было жаль и досадно лишиться слуги и онъ изыскивалъ средства вернуть его къ себѣ. Обращается онъ къ преп. Мартиніану, просить его содѣйствовать возвращенію боярина на Москву, обѣщаю тому честь и богатство. При содѣйствіи подвижника бояринъ вернулся, но вѣроломно былъ взятъ подъ арестъ. Узнавъ о происшедшемъ, преподобный является къ князю „съ великою печалію“. „И рече: тако ли, самодержавный князь великій, и ты праведно судити научился еси? Почто еси душу мою грѣшную продалъ и послалъ еси во адъ? Почто еси боярина того, ижъ мною призваннаго и душею мою, оковати повелѣль и слово свое преступилъ?“ Преподобный лишаєтъ благословенія князя и его княженіе и налагаетъ свое духовническое запрещеніе. Затѣмъ немедленно уѣзжаетъ въ монастырь. Василій былъ смущенъ и созналъ свою неправду. Но какъ бы съ гнѣвомъ онъ началъ говорить боярамъ: „бояре! смотрите черница того болотнаго,—что ми сотвори? Напрасно (неожиданно) вшедъ въ храмину мою и обличи и Божіе благословеніе снять и безъ великаго мя княженія постави!“ Далѣе князь признается предъ боярами въ своей винѣ, приглашаетъ ихъ ъхать къ Живоначальной Троицѣ,—„та нась разгрѣшишь“ (простить нашъ грѣхъ). Онъ снимаетъ опаду съ того боярина и, „очи ему давъ“, сдѣлалъ его своимъ приближеннымъ. Въ монастырѣ великій князь испрашиваетъ себѣ прощеніе и разрѣшеніе у своего духовнаго отца. Препод. Мартиніанъ благословилъ князя честнымъ крестомъ „и самъ отъ него прощеніе взять“. Послѣ того князь Василій больше прежняго сталъ любить своего духовнаго отца, ни въ чёмъ его не оскорблялъ, слушалъ во всемъ и почиталъ¹⁾. Вотъ какое геройство, кото-

¹⁾ Житіе преп. Мартиніана Бѣлоозерскаго, Ркп. Вол. Б—ки, № 564, л. 234 об.—238.

рое замѣтно удивляетъ жизнеописателя преп. Мартиніана, требовалось иногда отъ княжескаго духовника.

Въ этомъ разсказѣ вмѣстѣ съ тѣмъ мы видимъ превосходный примѣръ печалованія древнерусскаго подвижника за неправедно осужденнаго¹⁾.

Печалованіе и благотворительность были едва ли не самыми излюбленными формами служенія миру со стороны подвижниковъ того времени. О преп. Димитріи Прилуцкомъ († 1392 г.) въ его житіи говорится: „Никогда же блаженный не измѣни правила молитвенаго, но убо труды къ трудомъ прилагая, смѣшная посты съ милостынею, странныхъ пріимая и кормлю подавая требующимъ“. Положеніе обители при большой дорогѣ къ Бѣлому морю содѣствовало особенно развитію страннолюбія. „Бяше на распутяхъ мнозѣхъ обитель святого мимоходящимъ отъ града даже и до великаго моря окіяна. Бяше же (преподобный) нагимъ одежда, печальнымъ утѣшеніе, бѣднымъ помогая и отъ напастей изимая, больныхъ молитвою исцѣляя, должностнымъ искупленіе подавая и самъ долги отпущая, грѣшнымъ на покаяніе учитель и всѣмъ хотя спастися“. Братія монастыря, какъ это было обычно, не сочувствовала благодатріальной расточительности игумена. „Иногда же и отай братіи (тайно отъ братіи) милостыню подая убогимъ, дабы роптаніемъ братія мзды не погубили. Самъ же ризную худость толику любя, яко единъ отъ убогихъ сый; едину одежду нося на себѣ и зимъ и лѣтъ“²⁾. О печалованіи подвижника говорится „и отъ насилия, отъ злыхъ судій бѣдою одержимыхъ, точю словомъ своимъ избавляя“. Преподобный защищалъ и рабовъ отъ насилия господъ, не останавливаясь предъ обличеніемъ. Одинъ богатый человѣкъ прислалъ въ Прилуцкій монастырь пищу и питье. Димитрій не принялъ дара и сказалъ благотворителю: „отнеси сія въ домъ свой, еже намъ принесль, и, яже суть рабы и сироты въ твоемъ дому, тѣхъ питай, да не погибнуть гладомъ и жажею и напагою, и тѣхъ избытки (что останется) нашей нищетѣ донеси, да будеши совершенъ милостивецъ и вмѣнить ти Господь Богъ въ правду“³⁾.

¹⁾ Съ этой стороны приведенный разсказъ уже оцѣненъ въ изслѣдованіи проф. В. Малинника, Старецъ Филоѳей и его посланія, 717—718.

²⁾ Материалы для исторіи русской церкви. Харьковъ 1863, II, 62.

³⁾ Тамъ же, 63 Въ похвальномъ словѣ препод. Димитрію говорится:

Преп. *Павель Обнорський* († 1429 г.) бувъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ подвижниковъ древней Руси. Изъ учениковъ преп. Сергія онъ въ болѣшої степеніи, чѣмъ кто-либо другой, бувъ склоненъ къ безмолвію, къ отшельничеству, къному уединенію. Ему пришлось устроить общежительный монастырь и управлять имъ, но подвижникъ остался отшельникомъ, приходя въ обитель только для богослуженія на субботы и воскресенья. Строжайшее подвижничество Павла Обнорского характеризуется словами его житія: „вся жизнь его постъ бяше“, „всегдашній постъ, присная молитва“ ¹⁾). Тѣмъ интереснѣѣ знать, какъ смотрѣлъ этотъ созерцатель-отшельникъ на обязанности инока относительно мірянъ. Жизнеописатель отмѣчаетъ, что преп. Павель „благоприступенъ приходящимъ къ нему и учителенъ“ ²⁾). Духовнымъ отцемъ мірянъ онъ не бувъ конечно только потому, что не имѣлъ священнаго сана. Еще въ міру преподобный отличался нищелюбіемъ ³⁾). Монастырю же своему благотворительность онъ вмѣнилъ въ непремѣнную обязанность и это выразилъ въ своемъ *уставѣ*, содержаніе котораго изложено въ житії. „И въ рукодѣліи повелъ комуждо тружатися, да не токмо отъ своихъ трудовъ свой хлѣбъ снѣдають, но да и о нищихъ любовь показуютъ“. Милостыня представляется преп. Павлу средствомъ обнаруженія любви къ ближнимъ и нужна была въ этомъ смыслѣ самимъ инокамъ ⁴⁾). Итакъ, этотъ

„Радуйся милостыни рачитель... Радуйся умъ свой къ Господу имъ и сердце пригвождай въ молитвахъ день и нощь, радуйся болящимъ врачъ и скорый досѣтитель, радуйся вдовицамъ піятель, сиротамъ же и нищимъ и страннымъ и безкровнымъ тихое пристанище (*Тамъ же*, 75—76).

Преп. *Еввімій Суздалльский* († 1404 г.) извѣстенъ также своею благотворительностью. Но его поздній жизнеописатель, характеризуя подвижника съ этой стороны, дословно списываетъ приведенные выдержки изъ житія Димитрія Прилуцкаго, только съ необходимыми выпусками, (*Житіе преп. Еввімія*, Ркн. Вол. Б—ки № 628, л. 66 об.—67). Въ похвальномъ словѣ (*Тамъ же*, 76 об.—77 об.) подобныя же заимствованія изъ похвалы преп. Димитрію.

¹⁾ *Житіе преп. Павла*. Ркн. Вол. Б—ки, № 659, лл. 195, 208.

²⁾ *Тамъ же*, л. 192 об.—193.

³⁾ *Тамъ же*, л. 204. „Нищимъ милостыню съ тщаніемъ подая, бяше бо зѣло милостивъ“.

⁴⁾ *Тамъ же*, л. 188 об.—189. Преп. *Стефанъ Махрицкій* († 1406), собесѣдникъ преп. Сергія, поступалъ именно такъ, какъ предписывалъ въ своемъ *уставѣ* Павелъ Обнорский. Питался трудами своихъ рукъ, „отъ избытка

подвижникъ легко соединяетъ въ своемъ лицѣ строгаго отшельника, учителя народа, нищелюбца или благотворителя.

Преп. Кириллъ Бѣлоозерскій (\dagger 1427 г.) представитель разныхъ видовъ христіанскаго подвижничества. Временно онъ юродствовалъ, или принималъ подвигъ безмолвія. Но сверхъ того преп. Кириллъ былъ организаторомъ знаменитаго обще-жительнаго монастыря, который въ заволжскомъ краѣ имѣлъ приблизительно то же значеніе, какое въ своихъ мѣстахъ монастыри Печерскій и Троице-Сергіевъ. Въ немъ и въ отшельничихъ кельяхъ бѣлоозерскихъ лѣсовъ выросло то новое направленіе, которое носить имя заволжскаго, направленіе созерцательное, поставившее для монашества новыя задачи, по своему понимавшее его идеалы. Рѣчь о немъ еще будетъ впереди, а теперь мы посмотримъ только на преп. Кирилла и его монастырь въ отношеніи къ міру. Бѣлоозерскій монастырь при жизни основателя сдѣлался питателемъ своего края въ голодное время. „По нѣколицѣхъ же лѣтѣхъ бывшу гладу въ людехъ немалу. И таковаго ради утѣсненія нужды мнози отъ неимущихъ приходдаху въ обитель святого нужди ради глада. Святый же повелѣваше даяти хлѣбы просящимъ къ тѣхъ насыщенію и тако даяху по вся дни нищимъ хлѣба довольно... Слышавше окресть тоя обители живуще человѣци, яко питають приходящихъ глада ради, и сего ради множайши начаша приходить и тамо насыщатися. Но елико брашна взимаху оттуду, толико паче множахуся и преизобиловаху... И тако малыми брашны препиташеся людіе мнози“¹⁾). Благотворительная дѣятельность монастыря проявлялась и по смерти святого. Игуменъ Христофоръ (1428—1433) „многихъ отъ плѣненныхъ искупивъ, на своихъ мѣстѣхъ паки насадивъ“ (поселивъ)²⁾. При слѣдующемъ игуменѣ Трифонѣ (до полов. XV в.), когда монастырь строилъ церковь и материальныя средства его были напряжены, случился въ краѣ большой голодъ. Многіе начали приходить въ обитель, ища пропитанія. Здѣсь никому не отказывали и особенно заботливо питали голод-

же питаль странныхъ и нищихъ“. *Ист. опис. Махрицкаго монастыря*. М. 1852, стр. 6.

¹⁾ Житіе преп. Кирилла, Ркп. Вол. Б—ки № 645 л. 430 об.—431.

²⁾ Ради благочестиваго игумена ки. Юрій Дмитріевичъ Звенигородскій отпускаетъ однажды весь полонъ. *Тамъ же*, 458 и об.

ныхъ дѣтей. Но экономный келарь, „умаленъ бывъ вѣрою“, сталъ бояться, что у монастыря не хватить средствъ на всѣхъ: прокормиться самой братіи, содержать рабочихъ и пропитать голодныхъ; служебные чины обители стали уменьшать выдачу милостыни. Тогда запасы дѣйствительно начали быстро убавляться. Игуменъ рѣшилъ питать всѣхъ приходящихъ и въ Бѣлоозерскомъ монастырѣ кормилось ежедневно 600 человѣкъ и больше до новаго хлѣба¹⁾). Грозный писалъ въ Кириловъ монастырь въ своемъ знаменитомъ посланіи: „Кириловъ досель многія страны препитывать въ гладныя времена“²⁾.

Одинъ изъ учениковъ преп. Сергія является миссіонеромъ, утвердителемъ христіанства среди двоевѣровъ крещенного уже края,—это преп. Авраамій Чухломской († 1375 или позднѣе). Населеніе, ближайшее къ его пустынному монастырю, держалось языческихъ суевѣрій вѣрило и обращалось къ волхвамъ. Къ подвижнику, какъ къ волхву, стали приводить своихъ больныхъ для лечения. Онъ поучаетъ правовѣрующихъ „оставить волшебную прелесть“ и совершаеть нѣсколько чудесныхъ исцѣленій. Чудеса преп. Авраамія утверждаютъ двоевѣровъ въ христіанствѣ, такъ что нѣкоторые изъ нихъ даже постригаются въ его монастырѣ³⁾). А изъ собесѣдниковъ преп. Сергія вышелъ не повторившійся еще на Руси миссіонеръ, истинный апостоль Христовъ, св. Стефанъ Пермскій († 1396), который въ монастырѣ приготовилъ себя къ своему служенію и въ санѣ іеромонаха положилъ основаніе христіанства среди зырянъ. Труды св. Стефана слишкомъ хорошо извѣстны, чтобы описывать ихъ здѣсь⁴⁾.

¹⁾ Тамъ же, 462 об.—463.

²⁾ Акты Ист. I, 383.

³⁾ Житіе преп. Авраамія, Ркп. Тр. Лавры № 625, лл. 310, 311 об. 321 об.—323. Подвижникъ поучаетъ братію предъ смертью: „страннолюбія не забывать“ (Тамъ же, л. 330).

⁴⁾ Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы не станемъ говорить о древнерусскихъ иконахъ — миссіонерахъ. Напомнимъ только теперь читателю, что участіе монашества въ дѣлѣ распространенія христіанской вѣры на нашемъ сѣверѣ до XVII в. было гораздо болѣе значительно, чѣмъ участіе іерархіи. Древніе подвижники сѣверного края точно взяли на себя эту прямую обязанность духовенства—церковной власти, очевидно и не подозрѣвая, что миссіонерство дѣло постороннее монашеству и не входитъ въ его задачи.

Вотъ тѣ свѣдѣнія относительно служенія міру учениковъ и собесѣдниковъ преп. Сергія Радонежскаго, какія мы находимъ въ житіяхъ ихъ. Ясно, что тѣ и другіе ни на шагъ не отступили отъ завѣтovъ своего святого руководителя.

Этого направленія русское монашество согласно держалось до второй половины XV в.

Преп. *Діонисій Глушицький* († 1437 г.), котораго можно признавать представителемъ струи монашества, шедшей изъ Московского края, одинъ изъ выдающихся подвижниковъ—благотворителей: „изряднее нищелюбіе стяжа“. Своему ученику преп. Григорію Пельшемскому онъ даетъ примѣчательное наставление: „сотори умъ твой съ всѣмъ тщаніемъ единаго Бога искати и прилежати въ молитвѣ. И паче подвигнемся помогати нищимъ и сиротамъ и вдовицамъ,—дондеже время имаши, дѣлай благая“¹⁾). При жизни преп. Діонисія „въ тажъ лѣта гладна бысть страна та“. Въ обитель преподобнаго приходитъ много народа за хлѣбомъ, „творяше бо (преподобный) милостыню неоскудно просящимъ. Они же болма начаша приходить. Преподобный же никакоже стужа, но болма даяше“. Экономъ монастыря указываетъ подвижнику на оскудѣніе запасовъ. Но тотъ, „понося эконоому“, даетъ наставление о милостынѣ безъ всякаго расчета и указываетъ, что не за что иное, какъ за немилосердіе, Господь будетъ карать на страшномъ судѣ свою, ничто другое, какъ милостыня, поможетъ инокамъ на судицѣ Христовомъ. „Ничто же бо сице намъ, яко жъ милостыня помогающи есть. Милуя нища взаимъ даетъ Богу. Сице смысліе и учаще“²⁾). Въ похвальномъ словѣ преп. Діонисій называется между прочимъ „рабомъ свободитель“³⁾). И эта черта превосходно подтверждается слѣдующимъ интереснымъ разсказомъ изъ житія преп. Діонисія. Братія, какъ и всегда недовольная благотворительностью своего игумена, задумала его вразумить. Одѣли одного юношу странницей, и тотъ, назвавшись

¹⁾ Житіе преп. Діонисія. Ркп. Тр. Лавры, № 603, л. 35. Это наставление буквально повторяется въ житії преп. Григорія Пельшемскаго. Вел. Четыре Минеи, 30 сент. по изд. Археогр. Комм. 2273 стб.

²⁾ Ркп. Тр. Лавры, № 603, л. 38—39.

³⁾ „Алчущимъ питатель, сущимъ въ наготѣ покровитель, обидчимъ пособникъ, вдовамъ заступникъ, печальнымъ утѣшеніе, беспомощнымъ помощникъ и рабомъ свободитель“. (Тамъ же, л. 61).

рабой, просилъ у святого 100 сребреницъ для выкупа изъ холопства вмѣстѣ съ дѣтьми. Преподобный далъ деньги, а братія возвратила ему ихъ, сказавъ, что напрасно онъ благотворить обманщикамъ. Но преп. Діонисій отдаетъ деньги юношѣ, а братію наставляетъ быть милостивыми, давать не только всякому просящему, но и не просящему, запрещаетъ повторять свои искушенія и побуждать его къ немилосердію¹⁾.

Упомянутый ученикъ Діонисія преп. Григорій Пельшемскій († 1441 г.) совершенно усвоилъ наставленіе своего учителя и вполнѣ осуществилъ его. „Приходаше нищая въ гладъ, съ радостю пріимаше ихъ“²⁾. Поучая бѣльцовъ и иноковъ, подвижникъ какъ тѣмъ такъ и другимъ ставить въ числѣ заповѣдей Господнихъ, т. е. обязательныхъ предписаний—„милование нищихъ“³⁾.

Монастыри новгородско-псковского края, стоявшіе виѣ прямого вліянія со стороны „великой лавры“ преп. Сергія, однако нисколько не разнились въ своемъ служеніи миру отъ прочихъ русскихъ монастырей, конечно потому, что въ нихъ хранились общіе, исконные завѣты русского монашества.

Небольшая Клопская обитель пропитала немало народавъ голодъ 1423 года. „И много людей голодныхъ идяше и мало-мощныхъ во обитель святыя Троица питатися, читаемъ въ житіи юродиваго Михаила Клопскаго († ок. 1456 г.), и прискорбенъ бысть Феодосій игуменъ и съ братією. И рече преподобный Михайло игумену и братіи: о семъ нынѣ не скорбите,

¹⁾ Тамъ же, 36 об.—37 об.

²⁾ Вел. Ч.-Минеи, 30 сент. изд. Археогр. Комм. 2278 стб. Ср. Похвальное слово, 2294 стб. Благотворительная дѣятельность подвижника описывается въ дальнѣйшихъ словахъ житія почти буквально приведенными выше словами изъ житія Димитрія Прилуцкаго, которая можно даже признать житійно-типическими.

³⁾ Тамъ же, 2278 стб. Въ житіи преп. Григорія передается интересный для нашего вопроса разсказъ объ обличеніи имъ князя Димитрія Шемяки за тѣ бѣдствія, какія причиняли жителямъ вологодского края войска князя. Шемяка, разсерженный обличеніями святого, „повелѣ его съ помосту ринуты, не убояся суда Божія“. Но хронологическая несообразности разсказа (Ключевскій, Житія святыхъ, 197—198) лишаютъ его исторической достовѣрности. Можетъ быть, впрочемъ, за этимъ разсказомъ скрывается какое-нибудь другое дѣйствительное происшествіе. Въ похвальномъ словѣ препод. Григорій называется между прочимъ „въ градѣ за люди ко князю хожденіе“ (Тамъ же, 2294 стб.).

отче (отцы), Господь Богъ препиталъ есть 40 (sic!) мужей въ пустыни развія женъ и дѣтей. И аbie умоли блаженный у Іеодосія игумена и у старцевъ и повелъ въ котль рожь варити и давати невозбранно приходящимъ путникомъ. И начаша старцы роптати на игумена и на преподобнаго и воста игуменъ и блаженный Михаилъ, тако рекли: „поидемъ братіе въ житницы посмотримъ“. И паки идоша вси и обрѣтоша всякихъ благихъ житницы полны, а не убы изъ нихъ ничтожъ милостію Божію, святая Троица и молитвою блаженнаго старца. И повелѣша болѣ того рожь варити и раздавать требующему народу безбранино (безпрепятствено). И тако приходящіи вси прославиша Бога, святую Троицу и угодниковъ его“ ¹⁾.

Наиболѣе извѣстный изъ Исковскихъ монастырей, возникшихъ въ XV стол.—монастырь преп. Евфросина († 1481 г.), отличался поразительной строгостью устава и жизни братіи, такъ что одинъ священникъ, попавшій въ обитель къ вечернему богослуженію и насилу простоявшій его, отозвался: „тако онъ (Евфросинъ) пребываетъ съ братею, яко желѣзный съ желѣзными“. Но обитель славилась и благотворительностью. „Елма же нача блаженный милостыни творити многи приходящимъ къ нему алчнымъ и жаднымъ и маломощнымъ, и странныхъ и приходящихъ людей есъхъ равно упокоевая и кормя съ любовию, яко отъ Господа посланыхъ. И братіи своей заповѣда нижтоже звати своимъ, но все монастырскими, подобяся гласу Спасову: „милостивыхъ дамы не оскудлють“ (рече Господь), ревнуя Авраамову страннолюбию и Іову Авсідійскому и Филарету и Івану Милостившому и Іеодосію Киновіарху и Евсімію Великому и прочимъ святымъ, тѣхъ житію подражая во всемъ“ ²⁾. Слѣдуетъ замѣтить, что, организуя благотворительность въ монастырѣ, преп. Евфросинъ ставить ее въ неразрывную связь съ общежительнымъ уставомъ, воспрещающимъ монаху личную собственность, разсуждая такъ: то, что монахъ истрастилъ бы на себя, должно идти въ пользу нищихъ. Примѣчательно и то, что примѣромъ въ этомъ дѣлѣ русскому

¹⁾ Житіе преп. Михаила Клопского, изд. И. Некрасова, Зарожденіе національной литературы въ сѣв. Руси, Одесса 1870, Прилож., стр. 21.

²⁾ Житіе Евфросина, Пам. стар. р. литер. IV вып., 76.

подвижнику послужили подвижники востока. И по мѣрѣ того, какъ богатѣла обитель Евфросина оть приносовъ и вкладовъ селами, развивалась и ея благотворительная дѣятельность. „Святый же нача болма милостыни творити убогимъ и странныхъ упокоевая, яко чадолюбивый отецъ“¹⁾). Такъ передаетъ о благотворительности преп. Евфросина его житіе.

Но оть псковскаго подвижника остался *уставъ* монастырю, первый памятникъ въ этомъ родѣ изъ дошедшихъ до нась оть древней Руси. Приводимъ цѣликомъ двѣ статьи этого *устава*, трактующія о благотворительности обители. Онѣ интересны, потому что содержатъ нравственно-религіозную мотивировку этой обязанности иноковъ; наглядно изображаютъ намъ народное пониманіе евангельскихъ завѣтовъ; наконецъ отмѣчаютъ вліяніе на *уставъ* со стороны восточныхъ монастырей того времени. „*O страннопріимствѣ*. Еще же и о странныхъ прихоженіи въспомяну. Егда приходять къ вамъ странніи—или иноци, или мирстіи, всяко потщитеся пріяти или покоити страннаго, аще бы возможно по Господни заповѣди, еже самъ сътвори, преклонь бо честную свою выю, умы нозѣ ученикомъ, тако рече: и вы должны есте творити. И паки рече: страненъ бѣхъ, введосте мя. И елико кому любо пребыти въсхощеть, да пребудеть по завѣщанію святыхъ отецъ три дни. И на дѣло не нудите его, ни слова тяжка рѣте ему, егда будетъ самъ Христосъ, или ангелъ его²⁾. И отпускающе дадите милостыню, елико по силѣ. Такоже аще и мирстіи жители или властели, честь възدادите ему, пишеть бо ап. Павель: не будите должны человѣкомъ, воздадите убо ему же честь—честь, ему же урокъ—урокъ, ему же дань—дань и прочее. Такоже или отъ ловѣцъ или отъ кыхъ дѣлатель³⁾, не станеть у него хлѣба, и пришедѣ начнетъ просити, дадите ему елико требуетъ. А еже кто и хощетъ купити на деньги, никакоже тако учните, но туне давайте. Слышахомъ бо отъ самовидецъ, яко въ святей горѣ (т. е. на Аѳонѣ) и въ прочихъ великихъ

¹⁾ Тамъ же, 77 стр. Преп. Евфросинъ завѣщалъ братіи не забывать страннолюбія послѣ его смерти.

²⁾ Этими словами соотвѣтствуетъ приведенное выраженіе житія: „всѣхъ равио упокоевая и кормя съ любовію, яко отъ Бога посланныхъ“.

³⁾ Здѣсь вставлено киноварью заглавіе второй статьи—о подаяніи.

обителій отъ древнихъ святыхъ отець пріяли уставъ: иже кто продаетъ хлѣбъ печеный, подъ запрещенiemъ великымъ таковыи, все бо Божие есть; или хлѣбъ, или риза, или злато, или сребро. Не внесохомъ бо въ миръ сей ничто жъ и ни изнести что можемъ”¹⁾...

III.

Монашескія партіи съ к. XV в.—*юсифляне и бѣлоозерскіе старцы.*—Возарѣнія преп. Іосифа Волоколамскаго на моиашество и его задачи.—Суждение о монастырской благотворительности. — Подвижнические идеалы и монашескія возарѣнія преп. Нила Сорского; его взглядъ на иноческую милостыню.—Иноческие идеалы старца Артемія.—Вопросъ о милостынѣ.—Подвижники юсифлянского направленія: Пафнутьй Боровскій, самъ юсифъ (духовникъ, печаловникъ, благотворитель), Корнилій Комельскій и Даниилъ Переславскій.—Заволжцы,—отличие ихъ отъ юсифлянъ въ дѣлѣ служенія миру.—Отшельникъ-учитель народа—Филиппъ Ирапскій.—Выводъ.

Въ средѣ русскаго монашества, возсозданнаго преп. Сергіемъ, въ XV стол. развились два противоположныхъ направлениія. Къ концу этого вѣка они вполнѣ опредѣлились. Сторонники ихъ рѣзко раздѣлились на двѣ партіи, потому что враждебно столкнулись между собою. Во главѣ каждой партіи тогда стояли крупные представители, даровитые, книжные, извѣстные подвижники. *Юсифляне*—партія *московская*, получившая имя отъ преп. Іосифа Волоколамскаго—представители практическаго монашества, сторонники общежительнаго монастыря. *Бѣлоозерскіе старцы*—*заволжская* партія, созданная Ниломъ Сорскимъ—представители созерцательнаго монашества, сторонники скитскаго образа. Иноческие идеалы, взгляды на задачи монашества и на обязанности его къ миру у каждой партіи свои, особенные.

Ученикъ и постриженникъ Пафнутья Боровскаго, который имѣлъ своимъ учителемъ ученика преп. Сергія Никиту Высоцкаго, преп. *Юсифъ* († 1515) считалъ монашество общественной силой, передовымъ правящимъ классомъ въ церкви. Но общественное значеніе русскаго монастыря во

¹⁾ Ркп. Вол. Б—ки, № 632, л. 452 об.—453. Уставъ преп. Ефросина по этой рукописи, а также по ркп. Б-ки Моск. Дух. Акад. № 205, изданъ Н. Серебрянскимъ въ иеофіц. части Псковскихъ Епархиал. Вѣдом. 1902 г. №№ I—IV. Приведенные статьи, см. № IV, 101—102.

время Іосифа покоилось на земельномъ богатствѣ, на вотчинѣ и подвижникъ становится на ея защиту. Монастырскія вотчины привлекаютъ въ число братіи „честныхъ и благородныхъ“ людей, къ чорной работѣ не привыкшихъ, будущихъ іерарховъ, опору церкви, а потому должны онѣ существовать. Таковъ ходъ мыслей въ знаменитыхъ словахъ волоцкаго подвижника, сказанныхъ имъ на соборѣ 1503 г.: „аще у монастырей сель не будетъ, како честному и благородному человѣку постричися?“ и дальнѣйшихъ. Защищая монастырскую вотчину и владѣніе крестьянами, преп. Іосифъ является проповѣдникомъ „стяжательности“, права монастыря на скопленіе богатствъ (но, разумѣется, не частной собственности монаха, которая съ точки зрењія устава неприма). И между разными доводами въ оправданіе монастырской стяжательности онъ приводилъ и такой: *монастырь обязанъ благотворить, но для благотворительности нужны средства, т. е. земельные богатства. Поэтому онъ можетъ и долженъ владѣть вотчинами.*

Оттого Іосифъ Волоколамскій становится однимъ изъ энергичнѣйшихъ проповѣдниковъ—и въ теоріи и на практикѣ—монастырской благотворительности во всѣхъ ея главныхъ видахъ: страннолюбія, нищетолюбія и ухода за больными. На томъ же соборѣ онъ говорилъ, что благочестивые ктиторы—епископы и князья давали своимъ монастырямъ села и другія доходныя статьи затѣмъ, чтобы налагать на нихъ благотворительная задачи. Давали, „*праздно судивше и се (правильно разсуждая такимъ образомъ): да елици убо жеество и яти, или нищетою обстоими, или недуги дружими, монастыря обходяще, утѣху приемлютъ милосердія ради и обилія стяжанію церквє сущія въ нихъ* (т. е. по милости монастырей, когда при церквяхъ ихъ будутъ достаточныя имѣнія). Мниси же, отрекшіяся міра и въ монастыря сія вшедше, здравіемъ укрѣпляеми суще, съ постомъ своимъ и молитвами да и работы въ монастыри работаютъ, предстояще съ добрыми дѣтельми страннолюбію, егоже ради непущающе и тружатися (—съ добрыми дѣлами упражняясь и въ страннолюбії, считая нужнымъ для него и трудиться). Указавъ на землемѣльческій трудъ и скитскихъ отцовъ ради странныхъ, Іосифъ продолжалъ: „и сіи черноризцы (ктиторскихъ общежительныхъ монастырей), изволяющіи такожде, въ смиреніѣ

мудрованіи тружающеся странныхъ ради и болящихъ упокоенія... не только не осуждаются, но паче сея самыя ради вины велию мѣду съ постничествомъ своимъ воспріимутъ¹⁾). Итакъ монастырю приобрѣтать имущество для благотворительной дѣятельности совершенно дозволительно и желательно, иноку же трудиться ради „странныхъ и больныхъ упокоенія“ прямо спасителально. Такъ разсуждалъ о монастырской благотворительности преп. Іосифъ, являясь такимъ образомъ принципіальнымъ защитникомъ этой формы служенія иноковъ міру. Другія стороны этого служенія не затрагивались его воззрѣніями.

Преп. Нилъ Сорскій († 1508), постриженникъ Кирило-Бѣлоозерского монастыря, путешествовавшій и на Аeonъ, держался совершенно иного взгляда на монашество. Идеаль его чисто созерцательный. Преп. Нилъ не считалъ монашество общественной силой и потому не возлагалъ на него миссіи руководительства церковной жизнью, что обязывало бы монаха принимать большое участіе въ мірской жизни, нарушать его „безопеченіе“ (свободу отъ заботъ) и „безмолвіе“ (свободу отъ житейской суеты и людскихъ бесѣдъ). Онъ вель монаха изъ міра въ пустыню, въ уединеніе, признавая великую опасность для его души отъ одного обращенія съ мирскимъ чиномъ. Считая однако полное отшелыничество удѣломъ совершенныхъ и святыхъ, а общежитіе неудобнымъ для безмолвія, Нилъ Сорскій вводить на Руси средний—скитскій образъ жизни, который называетъ „царскімъ путемъ“. Скитъ — это малочисленная монашеская община въ два-три человѣка, которые имѣютъ все общее—пищу, одѣяніе и трудъ и повинуются другъ другу²⁾. „Приятаніе селъ и содержаніе многихъ имѣній, т. е. вотчины и накопленіе богатствъ, вовлекающія монашество въ сношенія съ міромъ, подвижникъ—созерцатель считалъ вовсе не дозволенными монастырю. На соборѣ 1503 г. не иной кто, какъ преп. Нилъ, поднялъ вопросъ объ отображеніи вотчинъ у

¹⁾ Житія преп. Іосифа и надгробное слово, изданныя К. И. Невоструевымъ, Ч. Об. Люб. Д. Пр. 1865, II, 117—118.

²⁾ Предисловіе на книгу блаж. отца Нила Сорскаго (его ученика Иаконентія Охлѣбинина), см. Преданіе ученикомъ своимъ о жительствѣ скитскомъ, М. 1849, стр. XXI.

монастырей. Онъ запрещалъ инокамъ принимать отъ мірянъ даже милостыню кромъ крайней нужды; содержаться монаху предписывалъ трудами рукъ своихъ и скитская нищета стала преданіемъ въ его обители. Немудрено поэтому, что подвижникъ не признавалъ материальную милостыню и благотворительность вообще монашеской обязанностью. Безмолвіе и нестяжательность освобождали инока отъ этого. „Излишня не подобаетъ намъ имѣти, пишетъ преп. Нилъ въ Преданії. А еже просящимъ даяти и заемлющихъ не отвращати, сіе на лукавыхъ повелѣно есть, глаголеть Василій Великій¹⁾. Не имѣяй бо излишне нужныя потребы не долженъ есть таковыі даяніе даяти и, аще речеть: „не имамъ“, нѣсть солгалъ, глаголеть Великій Варсануфій. Явленье бо есть инокъ онъ, иже не подлежитъ творити милостыню, той бо откровеннымъ лицемъ можетъ реши: се мы оставихомъ вся и всльдъ Тебѣ идохомъ. Пишетъ же св. Исаакъ: нестяжаніе вышиши есть таковыі подаяній; милостыня бо иноческая еже помощи брату словомъ во времяя нужды, и утѣшиши ему скорбь разсужденіемъ духовнымъ; но и сіе могущихъ. Новоначальныхъ же (милостыня)—eже претерпѣти скорбь обиду и укореніе отъ братіи. И сіе есть душевная милостыня и толико есть вышиши тѣлесныя, елико душа вышиши тѣла, глаголеть св. Дороѳей. Аще ли страненъ кто пріидеть, упокоити его, елико по силѣ нашей, и по сихъ, аще требуетъ, даяти ему благословеніе хлѣба и отпустити его²⁾. Итакъ преп. Нилъ не признавать милостыню дѣломъ обязательнымъ для инока, разъ тотъ безъ лжи и смѣло глядя въ лицо можетъ сказать: не имю; ставиль ее ниже подвига нестяжанія. Инокъ - нестяжатель легко могъ замѣнить милостыню другими подви-

¹⁾ То есть: „А что просящимъ давать и занимающимъ не отказывать, такъ эта заповѣдь, какъ говорить Василій В., дана для лукавыхъ“. Преп. Нилъ имѣть въ виду мысль преп. Іосифа, что монастырь можетъ принимать и увеличивать свои богатства въ благотворительныхъ цѣляхъ, но вовсе не признаетъ грѣхомъ иноческую милостыню, см. конецъ приводимаго текста. Къ сожалѣнію мы не знаемъ, какое мѣсто изъ твореній Василія Вел. имѣть въ виду преп. Нилъ, и не можемъ дать его объясненія въ контекстѣ у святого отца. Знаемъ только, что подобныхъ словъ у св. Василія иѣтъ тамъ, где онъ говоритъ объ иноческой нестяжательности,—и то еще, что онъ вполнѣ позволялъ монастырскую благотворительность; *Творенія*, V т. 3-го изд. 241, 336 стр.

²⁾ *Преданіе ученикомъ*, 14—15.

гами, если онъ изъ числа опытныхъ—увѣщаніемъ и утѣшніемъ брату въ скорби и нуждѣ, если новоначальный—безропотнымъ терпѣніемъ обидъ. Однако преп. Нилъ предписываетъ принимать странника, ищущаго пріюта, и снабжать его хлѣбомъ, предписываетъ страннолюбіе—простѣйшую форму благотворительности.

Точно повторяетъ иноческіе идеалы своего учителя старець Артемій, бывшій игуменъ Троицкій, защитникъ православія въ Литвѣ, ранѣе того осужденный въ Москвѣ какъ еретикъ. Жить помонашески значить—„умолкнуть отъ вѣхъ мірскихъ“: „въ нищетѣ жить“, проводить „безмолвное и безвѣщное житіе“, „съ мірскими не связатися“. Приложеніе монашескаго богатства, стяжаніе сель и многихъ служебъ—окаянныій обычай, дѣло свойственное царской, паче же мучительской власти. Общежитіе въ монастыряхъ по сужденію старца, давно уже разрушилось; „похвальнѣе общаго особное житіе: со единѣмъ или много съ двѣма безмолвствовати“. Это средній путь, скитскій образъ¹⁾. Объ иноческой милостынѣ нѣть упоминанія у этого заволжца.

Не безъ вліянія, кажется, созерцательной заволжской докторины у еретика Феодосія Косого появляется совершенное отрицаніе этой христіанской добродѣтели. „Велять же попы имѣнія приносити и нищимъ подаяти, а нищіе псы, не подобаетъ имъ подаяти“. Но еретикъ проповѣдалъ общеніе имущество, отрицаль всякую власть²⁾, и едвали среди бѣлоозерцевъ имѣль сторонниковъ своего крайняго ученія о милостынѣ. Напротивъ ученики преп. Нила не могли отрѣшиться отъ традиціонныхъ русскихъ сужденій о „спасенной милостынѣ“ и быть послѣдовательными. *Vassianъ Патрикіевъ*, который описываетъ назначеніе монашества согласно съ своимъ старцемъ, а обязанность церковной благотворительности предоставляетъ епископамъ, однако пишетъ, что слова Христа: *аще хощеши совершиенъ быти...* (Мо. XIX, 21), являются три всеобъемлющи главизны иноческаго житія: „нищету, и и. 16-

¹⁾ *Посланія Артемія*, Р. И. Б. IV, 1258, 1262, 1259, 1261, 1236, 1260—1261 стб.

²⁾ *Зиновія Отенского*, Посланіе многословное, Чт. О. И. и Др. 1830, II, 144—145.

стыни и всяко братолюбие и состраданіе, къ симъ же и молитву непрестанную съ воздержаніемъ и бодростю¹⁾.

Таковы идеалы и взгляды двухъ монашескихъ партій XVI в. по вопросу о служеніи монашества міру. Партия юсифлянъ была болѣе многочисленна и вліятельна; притомъ же опиралась она на традиціи русскаго монашества, ссылалась постоянно на русскихъ чудотворцевъ. Партия заволжская жила наносными, принесенными съ Аѳона идеалами и воззрѣніями, свободнѣе относилась къ великимъ примѣрамъ и благочестивымъ преданіямъ родного монашества; она вредила себѣ еще и тѣмъ, что служила гнѣздомъ религіознаго вольнодумства. Принципіально послѣдовательные заволжцы считали себя даже свободными отъ служенія міру, но на дѣлѣ служили ему. Было отличие только въ характерѣ этого служенія со стороны заволжцевъ и подвижниковъ—юсифлянъ.

Начнемъ съ юсифлянской партіи, съ ея „дѣда“ преп. Пафнутия Боровскаго.

Преп. Пафнутий Боровскій († 1477), въ обители котораго принялъ постриженіе Иосифъ Волоколамскій, „одинъ изъ любопытнѣйшихъ характеровъ въ древне-русскомъ монашествѣ“, по замѣчанію проф. Ключевскаго ²⁾). Ученикъ преп. Никиты Высоцкаго, который былъ ученикомъ и постриженникомъ преп. Сергія Радонежскаго, Пафнутий наслѣдовалъ отъ своего учителя одну черту—выдающуюся духовническую опытность, умѣніе употреблять милосердіе и строгость, где нужно то или другое. По словамъ Иосифа, преп. Никита прозиралъ хотящая быти и повѣдалъ тайные помыслы братіи. „Бяше же щедръ и милостивъ, егда подобаетъ, и жестокъ и напрасень, егда потреба³⁾). Пафнутий былъ духовникомъ и братіи и мірянъ и извѣстенъ былъ своею опытностью въ наложенніи епитимій. „Прихождаху же ко блаженному не точю иноци, но и сущіи отъ мира исповѣдающіеся на духовнѣ, занеже зѣло благоразсуденъ и добре могій разумѣти сокровенную премудрость во священныхъ правилѣхъ, еже

¹⁾ *Посланіе инока-князя Вассіана Патрикіева*, Прав. Соб. 1863, III, 108 ср. 185 и 207.

²⁾ Житія святыхъ, 207.

³⁾ Отвѣщаніе любозорнымъ, В. Ч. М., 9 сент., 559 стб.

комуждо подобно запрещеніе давати¹⁾). Бесѣда Пафнутія какъ къ инокамъ такъ и къ мірскимъ всегда была проста и чужда человѣкоугодія. Всегда онъ говорилъ по Божію закону и сказанное исполнялъ дѣломъ. „Не устыдѣся никогда же лица княжска или болярска, ни приносомъ богатыхъ умягчися когда, но сильнымъ крѣпко закону соблюденіе глаголаше и заповѣдемъ Божіимъ; простымъ же такоже бесѣдоваше, братію нарицающе²⁾). Эту независимость и нелицепріятіе преп. Пафнутій проявлялъ въ отношеніи къ своимъ духовнымъ дѣтямъ, какой бы высокой постѣ они ни занимали. Юрій Васильевичъ, князь дмитровскій, братъ великаго князя Ивана III, былъ духовнымъ сыномъ боровскаго подвижника „и много времея душею ко отцу приходяше“. Князь Юрій самъ разсказывалъ, въ какомъ настроеніи онъ шелъ обычно на исповѣдь: „коли поиду на исповѣдь ко отцу Пафнутію, и ноги у мене подгибаются“. Жизнеописатель добавляетъ: „толико же бысть добродѣтelenъ и богобоязнивъ князь³⁾, а мы добавимъ: такъ безбоязненъ и строгъ къ духовнымъ дѣтямъ быль преп. Пафнутій.

Благотворительность боровскій подвижникъ считалъ обязанностью монастыря. Во времея голода онъ самъ пропиталъ множество народа—„всѣхъ окрестныхъ“, „яко до тысячи на всякъ день и множае собираatisя“. Въ обители не осталось никакихъ запасовъ, но въ слѣдующее лѣто молитвами святого „и слезъ ради нищихъ умноженіе плодомъ Господь дарова“⁴⁾. Въ монастырѣ былъ обычай кормить и „учреждать“ гостей, въ томъ числѣ и мірскихъ посѣтителей⁵⁾. Когда умиралъ подвижникъ, его ученикъ, оставившій пре-восходныя записки о послѣднихъ дняхъ учителя, просить повелѣніе написать завѣщаніе о монастырскомъ строеніи. И преподобный даетъ это завѣщаніе. Въ немъ онъ предписываетъ

¹⁾ Житіе преп. Пафнутія, изд. Кадлубовскии, Сборникъ истор. філологич. общества при институтѣ князя Безбородко въ Нѣжинѣ, II т. 1899, 141 стр.

²⁾ Записка Иннокентія о послѣднихъ дняхъ преп. Пафнутія, изд. В. О. Ключевскии, въ прилож. къ изслѣдованію Житія святыхъ, стр. 445—446.

³⁾ Житіе, 136.

⁴⁾ Тамъ же, 141.

⁵⁾ Тамъ же, 140.

монастырю обязательную благотворительность и вмѣстъ неизмѣнное соблюденіе монастырскаго устава и церковнаго правила. „Трапезы отъ любостранна (странника) не затворите, о милостыни попечтесь, просяща потребная тща не отпустите... Соборныя молитвы не отлучайтесь никакою нужею развѣе немощи, весь уставъ и правило церковное кротко и немягътко и молчаливо и, просто рещи, якоже мене видите творяща, и вы творите“ ¹⁾). Ученикъ спрашивавшися умирающаго учителя о мѣстѣ его погребенія. Назначивъ это мѣсто, преп. Пафнутий прибавилъ: „а гроба не купи дубова, на ту шесть денегъ колачей купи, да раздѣли нищимъ; а мене лубкомъ оберти да, подъ страну подкопавъ, положи“ ²⁾).

Школа Пафнутия Боровскаго замѣтно сказалась на его ученикѣ преп. Іосифѣ Волоколамскомъ. Іосифъ прежде всего выдающійся духовникъ. Поселившись въ волоколамскихъ предѣлахъ, онъ быстро прославился. Строгость жизни, добrogласіе въ церковной службѣ, широкая начитанность вмѣстѣ съ поразительной памятью и находчивостью („богодухновеннаго писанія все памятію на краи языка пмыї“), привлекательная наружность вмѣстѣ съ скромной, чисто монашеской осанкой и искусствомъ въ обхожденіи—все это привлекаетъ вниманіе мѣстной аристократіи къ подвижнику, который и самъ былъ родовитъ. „И мнози князи и бояре приходяше къ игумену Іосифу на покаяніе“ ³⁾), т. е. выбираютъ его себѣ въ духовные отцы. Изъ князей, бывшихъ духовными дѣтьми преп. Іосифа, извѣстны: Борисъ Волоцкій и Юрій Дмитровскій Васильевичи, братья великаго князя Ивана III, и Иванъ Борисовичъ Волоцкій. Нѣкоторые изъ волоколамскихъ бояръ, „иже отъ палаты княжа“, изъ воеводъ „и воиновъ честныхъ“ также просили Іосифа быть ихъ духовнымъ отцемъ ⁴⁾). На исповѣдь къ нему стремились и женщины. Хотя волоколамская обитель, какъ и боровская, была невходна женамъ, однако это не помышдало княгинямъ и боярынямъ имѣть преп. Іосифа своимъ духовнымъ отцемъ. Между волоколамскимъ

¹⁾ Записка, 446—447.

²⁾ Тамъ же, 451.

³⁾ Два житія преп. Іосифа и надгробное слово, изд. К. И. Невоструевымъ въ Чт. О. Люб. Д. Просв. 1862, II, 22.

⁴⁾ Тамъ же, 95, 141, 96, 97; Собр. Госуд. Грам. и Догов. I, № 132, стр. 343. Духовная кн. Ивана Борисовича.

игуменомъ и его духовными дочерьми установились своеобразныя сношения: женщины исповѣдаются грѣхи свои письменно и съ радостью принимаютъ отвѣтъ преподобнаго, не умѣвшія писать сказывали грѣхи своимъ домовымъ священникамъ и посылали ихъ къ Иосифу¹⁾. Подвижникъ отвѣчалъ на письменныя или устныя просьбы своихъ духовныхъ чадъ обоего пола и писалъ имъ посланія. Памятникомъ письменныхъ сношений преп. Иосифа съ духовными дѣтьми служатъ дошедшия до насъ „*посланія Иосифовы о епитиміяхъ къ вельможамъ, въ мирѣ живущимъ, дѣтемъ его духовнымъ*“²⁾. Они свидѣтельствуютъ, какъ строга была та покаяльная дисциплина, которой хорошие духовники подвергали мірянъ, впавшихъ въ тяжкіе грѣхи, насколько была высока и непрекаема власть духовнаго отца²⁾.

Преп. Иосифъ былъ выдающійся печаловникъ—„немощнымъ спострадателемъ“. Въ своихъ посланіяхъ и личныхъ бесѣдахъ съ знатными мірянами онъ заступается за холоповъ и за крѣпостныхъ. Онъ пишетъ вельможамъ, наставляя ихъ „восхищенное не по правдѣ отдать“; увѣщеваетъ „помиловать бѣдныхъ и убогихъ, иже пусти бѣща человѣческаго утѣшенія“; рабовъ, которые „гладомъ таютъ и наготою страшутъ“, довольствовать, „чтобы съ голоду и съ наготы не плакали“. При этомъ онъ просить господъ не забывать, что они одна плоть съ рабами, крещены однимъ крещеніемъ, искуплены одною кровью и вмѣстѣ станутъ на судицѣ Христовомъ³⁾. Печалуясь предъ вотчинникомъ за крѣпостного человѣка, волоколамскій подвижникъ становится на точку зрѣнія ихъ обоюднаго материальнаго интереса. „Будьте добры къ пахатнымъ крестьянамъ своимъ. Чѣмъ болѣе станете вы понуждать земледѣльца къ работѣ на васъ и насилино отнимать его стяженіе, тѣмъ скорѣе онъ придется въ убожество. Но сдѣлавшись нищимъ, какъ онъ будетъ платить подать и дань, чѣмъ сокрушенный нищетой пропитается онъ съ домомъ своимъ? Обремененный оброчкомъ онъ продасть скотъ. А разъ скотъ проданъ, кто бу-

¹⁾ Житія, 113—114.

²⁾ См. напръ очеркъ *Древнерусскій духовникъ*, 56—61; 106—115.

³⁾ И. Хрушковъ, *Ізслѣдованіе о сочиненіяхъ Иосифа Савина, 90—94, 99, С. Смирновъ, Др. русскій духовникъ, 114—115.*

деть пахать? Гдѣ взять убогому и сѣмянъ? Запустѣлая, заросшая „цѣлизна“ процвѣтѣть ли какъ поле? А когда крестьянскія поля запустѣютъ, не понесетъ ли ущербъ самъ господинъ усадьбы за всю убыль, сдѣланную крестьянину, и притомъ въ такой степени, въ какой сдѣлано ему зло. Дающій же пахарю льготу воздѣлаетъ заросшія мѣста и распашетъ поля. Безъ господского насилия исполнивъ свои работы, крестьянинъ будетъ стараться для господина и, сытый самъ, безъ недоимки отдать оброкъ“. Владѣльцевъ подвижникъ наставлялъ „не злымъ быти на владомыя“, крестьянъ—не упускать господской работы, не лѣниться и воздавать имъ усердіемъ за заботы и льготы. Жизнеописатель увѣряетъ, что это несложное политico-экономическое разсужденіе волоколамскаго игумена отразилось на всей странѣ. „Вся же тогда володкай страна къ доброй жизни прелагашеся, тишины и покоя наслаждышеся и все веселящеся бѣаше, и поселяне же много послабленіе имуще отъ господей сель ихъ поущеніемъ (внушеніемъ) его“. Послушавшіе наставленій преподобнаго „благословившася зѣло и обогатѣша паче“ „и мнози тяжаріе (земледѣльцы) стоги своя участина и умножиша жить себѣ“ ¹⁾.

Но главная заслуга преп. Іосифа предъ волоцкой страной—помощь населенію въ неурожайные годы. Случилось, что хлѣбъ не родился нѣсколько лѣтъ подъ рядъ и наступилъ „гладъ крѣпокъ“. Хлѣбъ страшно вздорожалъ и народъ питался листьями, корой и сѣномъ—„съ скоты едини пища“. Коренья ужовника и истолченныя гнилушки дерева—„злѣйши скотъскыя пища“—особенно содѣствовали развитію желудочныхъ заболѣваній. Голодный народъ покидалъ свои дома и расходился въ разныя стороны. Громадная толпа сошлась и къ воротамъ монастыря. Всѣхъ оказалось 7000 человѣкъ кромѣ малыхъ дѣтей. „Іосифъ же тогда житница своя разверзъ по патріарху древле тезоименитому“ (—подражая библейскому Іосифу). Онъ велѣлъ питать всѣхъ, а малыхъ дѣтей помѣстилъ въ страннопріимницу для прокормленія. Голодающихъ дѣтей оказалось болѣе 50 и нѣкоторыя изъ нихъ имѣли всего по два съ половиной года. Бѣдные крестьяне приводили „отрочать“ къ мона-

¹⁾ Житія, 98—100.

стырю и оставляли ихъ здѣсь. Когда преподобный распорядился призвать ихъ родителей, ни одинъ не явился, всѣ отказались отъ своихъ чадъ. Пришлось выстроить за монастыремъ домъ и питать дѣтей. „Сія чада, яже не породи, питаше (преподобный) милосердно утробою и печалеся о нихъ, аки самъ сія породи“¹⁾. Теперь тихая обитель превратилась какъ-бы въ торжище. Каждый день множество нищихъ, убогихъ и голодныхъ крестьянъ получали въ ней печеный хлѣбъ. Кормилось ежедневно до 400—500 человѣкъ. Въ монастырѣ поднимается неудовольствіе. Келарь приходитъ къ игумену съ заявлениемъ, что не осталось ржи даже на пропитаніе братіи. Игуменъ зоветъ казначея и велитъ купить хлѣба на деньги. „Казначей же не сказа денегъ“. Тогда преподобный распоряжается, чтобы занимали денегъ, покупали рожь, но кормили голодавшихъ. Скупому казначею и келарю онъ даетъ рѣшительное распоряженіе, чтобы никто не уходилъ изъ монастыря голоднымъ. Братія ропщетъ. „Како селико (столько) народа прекормити покупающе? Безразсудна сія милость. Насть переморить, а ихъ не прекормить!“ Братія роптала изъ за калачей и медвяного кваса, отъ которыхъ по случаю голода пришлося отказаться, и некоторые прямо заявляли преп. Іосифу: „терпѣти немощно“. Іосифъ говорить недовольнымъ. „Зрите,толикъ народа не различна брашна желають, но единаго куса хлѣба, дабы малу утѣху отъ глада получить, и того ради оставиша домы своя и скитаются по чужимъ мѣстамъ и съ женами и съ дѣтьми. Мы же обѣщаомся всяку скорбь терпѣти царствія ради небеснаго и о семь нынѣ являемся нетерпѣливі“... Братія образумилась. Но монастырь дѣйствительно быстро обѣнялъ: хлѣбъ, деньги, одежда, скотъ—все было раздано и ничего не осталось. Дѣло быстро измѣняется, когда вмѣшался „державный“, великий князь Василій Ивановичъ. Узнавъ, что монастырь питаетъ столько народа—покупаетъ, занимаетъ и голодаетъ самъ, великий князь „вне-

¹⁾ Вѣроятно къ этому времени относится происшествіе, какъ однажды изъ волоколамской братіи Андрей Квашнинъ „пореклу Невѣжа“ оставилъ монастырь, смущенный присутствиемъ дѣтей близъ обители, по крайней мѣрѣ подъ этимъ предлогомъ: „дѣти вскрай обители живутъ, не мочно ми спастися“. Но съ нимъ случилась виезапная болѣзнь, которая вразумила и возвратила его въ обитель преп. Іосифа. Житія, 70—72.

запу прииде“ въ обитель, учредилъ братію привезенными припасами, а для голодающихъ отпустилъ 1000 четвертей ржи, столько же овса и 100 рублей денегъ; въ случаѣ же новой нужды разрѣшаетъ братъ изъ своего села столько хлѣба, сколько потребуется. Примѣру великаго князя послѣдовали некоторые владѣтельные, за ними бояре и зажиточные христолюбцы. Съ своей стороны подвижникъ убѣждаетъ владѣтельныхъ князей помогать голодающему народу¹⁾). Монастырь безъ труда теперь прокормилъ голодающихъ. Настала урожайная осень и голодные разошлись по домамъ. Ушли отъ обители и подобранныя дѣти, смутившія Андрея Квашнина. Такъ отворенные житницы монастыря, домъ для отрочатъ за его стѣнами, да сочувствие „державнаго“ разрѣшили въ эту голодъ для волоцкой страны продовольственный вопросъ.

Надо ли говорить, что преп. Іосифъ былъ ющелюбивъ и подавалъ нуждающимся безъ отказа? На Успеньевъ день, храмовой праздникъ монастыря, въ него сходилось болѣе тысячи нищихъ. Ихъ кормили и награждали каждого „сребренницей“. Подвижникъ заповѣдалъ творить эту милостыню и послѣ своей смерти, чтобы не оскудѣль монастырь „до вѣка“²⁾). Преп. Іосифъ волоколамскій выдающійся благотворитель даже среди древне-русскихъ подвижниковъ.

При его обители былъ уходъ за больными мірянами. „Оставшая же на трапезѣ брашна, передается въ одномъ изъ житій преподобнаго его распоряженіе, не сохраняти въ келарницу, но въ отлученный (отдѣленный) домъ убогимъ и больнымъ отдати сія. Усмотряжеся (разсудилось же) ему и се: яко немощнующу человѣчству и грубу (бѣдной черни) нужа подъяти (слѣдуетъ пособлять) и помогати“³⁾). „Отлученный домъ убогихъ и больныхъ“ нѣчто вродѣ больницы и багадѣльни. Его устроилъ преп. Іосифъ, сознавая неотложную нужду благотворительной помощи бѣдному люду. Гдѣ же находился этотъ домъ? Вѣроятно въ родовомъ селѣ Іосифа въ Спиридоновѣ, именно во Введенскомъ монастырѣ, кото-

¹⁾ Сохранилось посланіе преп. Іосифа къ дмитровскому князю Юрію Ивановичу. Подвижникъ убѣждаетъ князя питать народъ во время голода, уставить цѣну на хлѣбъ и иаказывать тѣхъ, которые дорого его продаютъ (Доп. къ Акт. Ист. I. № 216).

²⁾ Житія, 49—52, 133—135, 174—175

³⁾ Та же, 144.

рый преподобный устроилъ, какъ полагаютъ, по образцу Подольнаго Введенскаго монастыря при Троицкой лаврѣ. Кромъ дома для больныхъ и убогихъ здѣсь былъ такъ называемый „Божій домъ“—глубокая общая могила, въ которой погребались умершіе безвѣстной смертью. Отъ главнаго монастыря Спиридоново находится въ двухъ поприщахъ,—около трехъ верстъ и Введенскій монастырь получалъ отъ Іосифова все необходимое для содержанія. Конечно онъ былъ очень небольшой, но устроенъ по всѣмъ правиламъ настоящаго монастыря. Здѣсь былъ свой игуменъ и число братіи доходило до 12. Игуменъ пользовался нѣкоторой самостоятельностью и предоставленнымъ ему правомъ принимать на исповѣдь мірянъ, вѣроятно менѣе знатныхъ. Спиридоновскіе иноки и несли, надо думать, благотворительныя обязанности—приемъ странниковъ и нищихъ, уходъ за больными, погребеніе умершихъ „нужною смертью“ и поминовеніе ихъ¹⁾. Таковъ былъ.

¹⁾ Введенскій богадѣлленный монастырь слѣдуетъ отличать отъ другого „богораднаго“ или богадѣленаго, стоявшаго ближе къ обители преп. Іосифа и служившаго богадѣльней для престарѣлыхъ и больныхъ иноковъ *своей обители*. Въ одномъ изъ житій преп. Іосифа среди предсмертныхъ распоряженій подвижника находимъ: „Еще же иже въ Спиридоновѣ обитель его снабдѣти, яко и при немъ: то бо отъ наслѣдія отцовъ его бѣаше, ту и монастырь създа и потребу живущимъ тамо игумену и братіи отъ великаго монастыря подая. Въ вся же суботы и недѣлія въ велицѣмъ монастыри семъ обѣдовати устрои“. Но свѣдѣнія объ интересующемъ настѣ монастырѣ этимъ не исчерпываются. Въ обиходникѣ Волоколамскаго монастыря (ркп. Синод. Б.—ки № 403—829. л.136), составленномъ игуменомъ Евениемъ (1573—1586), читается слѣдующее извѣстіе о Спиридоновскомъ или Спировскомъ монастырѣ: „есть же и другій монастырь (кромъ богораднаго или богадѣльнаго при самой обители) вдале два поприща отъ великаго монастыря, въ немъ же храмъ Пречистыя Богородицы, честнаго и славнаго ея Введенія, а поставленіе преподобнаго старца Іосифа: глаголуть же иѣцы, яко отчина бывше родителей его. И тамо игуменъ и братіи прѣж было 12.“ Послѣ моровыхъ повѣтрій въ монастырѣ осталось братіи двое или одинъ. Церковь была поставлена для поминовенія усопшихъ. „И повелѣ (преп. Іосифъ) отъ большова монастыря давати потребная сирѣч хлѣбъ, рожь, ячмень и соль и обиліе и прочая вся по грамотѣ по указанной прѣж бывшихъ игуменовъ и соборныхъ старцовъ. А отъ мирскихъ людей, кои приходятъ къ той святѣй церкви, приношеніе всякое приносятъ, невозбранно пріимати и на духовнѣ къ нему (игумену) пріходити. И самому тому игумену о духовныхъ дѣлехъ въ волость ѿздити“. Далѣе говорится, что вблизи этой церкви былъ молитvenный храмъ (часовня?) съ ископанною глубокою могилою, называемой „домъ Божій“.

устроенный преп. Іосифомъ и существовавшій послѣ его смерти, божедомскій монастырь съ отдѣльнымъ домомъ для убогихъ и больныхъ мірянъ.

Преп. *Корнілій Комельський* († 1537), постриженникъ Кириллова монастыря, по направленію своихъ подвижническихъ идеаловъ однако близко сходится съ Іосифомъ волоколамскимъ, по крайней мѣрѣ его Уставъ очень сильно даже въ подробностяхъ напоминаетъ Духовную грамоту волоколамскаго подвижника. Благотворительная его дѣятельность, описанная подробно въ житіи, а также и хозяйственная въ значительной степени напомнятъ намъ дѣятельность преп. Іосифа. Устраивая свою пустынную обитель, Корнілій превращается въ землемѣльца и въ лѣсу распахиваетъ ниву: „начать тяжаръ быти... лѣсь сѣкій и нивы насѣвай и приходящая пріемля и мимоходящая кормяще“¹⁾). Онъ не оставилъ этой дѣятельности и устроивъ монастырь и тогда, когда получилъ для него села и починки со всякимъ угодьемъ и съ крестьянами. Подвижникъ вмѣстѣ съ братією продолжаютъ сѣчи лѣсь и сѣять нивы именно въ цѣляхъ благотворительности: „да не токмо сами свой хлѣбъ ядятъ, но да и неимущихъ питаются“²⁾). А обстраивая свой монастырь, онъ не забываетъ поставить и богадѣльню для мірянъ. „Созда же, говорить жизнеописатель, и богадѣльню въ монастыря страннимъ и нищимъ на покой“³⁾). Житіе отмѣчаетъ мелкую, но характерную подроб-

гдѣ съ благословенія настоятеля Іосифова монастыря погребали всѣхъ странныхъ, безвѣтсно и нужною смертю скончавшихся, православныхъ христіанъ, Бога ради поминали ихъ и каждогодно во вселенскую субботу и въ другую мясопустную и въ седьмой четверточкѣ по пасхѣ служили по нихъ обѣдни и панихиды. На праздники вѣдьмы и богородичны, также на государскіе кормы и на митрополичьи и на владычны и на большия кормы и по воскреснымъ днямъ игумену спирidonовскому или спировскому (такъ пишется онъ безразлично) вѣдьно было обѣдни служить и всякое церковное правило исправлять у себя въ монастырѣ безпереводно, а къ трапезѣ приходить съ братією въ большой Іосифовъ монастырь. (Житіе преп. Іосифа, 149 ср. прим. 493 на 149 — 150 стр. Ср. Описаніе Горскаго и Новоструева, III, 1, 400—402). Въ статьѣ П. С. Казанскаго, Преп. Іосифъ Волоколамскій (Приб. къ Тв. св. От. V, 250) оба монастыря „богорадный“ или богадѣленный для монаховъ и „божедомскій“ съ богадѣльней для мірянъ смѣшиваются въ одинъ.

¹⁾ Житіе преп. Корнілія. Ркп. Тр. Лавр. Б—ки, № 676, л. 513 об.

²⁾ Тамъ же, л. 530.

³⁾ Тамъ же, л. 516.

ность, касающуюся краткаго пребыванія подвижника въ Москвѣ. Великій князь Василій Ивановичъ, большой почитатель преподобнаго, часто приглашалъ его къ столу, а иногда посыпалъ кушанья съ своего стола на домъ. „Онъ же сія нищимъ и маломощнымъ подавая тай“¹⁾). Благотворительность Корниліева монастыря была широкая и щедрая. На храмовые праздники обители многочисленнымъ нищимъ выдавалась милостыня по рукамъ,—каждому по деньгѣ, по просфорѣ и калачу. Случилось, что въ монастырѣ къ одному празднику не было денегъ. Преп. Корнилій молился Господу, чтобы онъ послалъ милость свою „на братію свою—на нищихъ“. И утромъ въ самый день праздника великій князь присыпаетъ милостыню въ монастырь „двадесять рублевъ съ рублемъ“. Преподобный одѣлилъ княжеской милостыней нищихъ съ любовью, какбы посланнымъ для нихъ отъ Бога. Въ другой праздникъ преп. Корнилій раздавалъ обычную милостыню подходящимъ къ нему „не зрячу на лица, но токмо руку простершему даяще“. Пользуясь этимъ, нѣкоторые нищіе подходили за милостыней дважды, иные до пяти разъ. Приставники сказали обѣ этомъ подвижнику, а онъ отвѣтилъ: „не трогайте ихъ,—они за этимъ пришли“. Въ тотъ же день его посѣтило видѣніе. Святолѣпный старецъ преп. Антоній Великій, праздникъ котораго торжествовала обитель, вывелъ его на поле, показалъ ему на одной сторонѣ просфоры, на другой калачи и сказалъ: „вотъ твои просфоры и калачи, которые ты раздалъ нищимъ“. Старецъ повелѣлъ Корнилію подставить свою одежду и началь класть просфоры и калачи; ихъ оказалось такъ много, что они посыпались на землю. Послѣ этого видѣнія преп. Корнилій даетъ братіи своей заповѣдь творить неоскунную милостыню не только при жизни его, но и по смерти. Въ вологодской землѣ случился голодъ. Хлѣбъ сильно вздорожалъ и купить его даже негдѣ было. Въ монастырь Корнилія стали приходить „отъ многихъ странъ... странніи и нищіи“, а изъ окрестностей мучимые голодомъ. Преподобный никому не отказывалъ, подавалъ щедрую милостыню ежедневно. Многіе приносили своихъ младенцевъ и оставляли подъ стѣнами монастыря. Подвижникъ принимаетъ ихъ всѣхъ, отсылаетъ въ особый домъ

¹⁾ Та.къ же, л. 527 об.

и тамъ ихъ питали и покоили. Въ это тяжелое время запасы обители не оскудѣвали¹⁾. Въ своемъ послѣднемъ по-

1) О даяніи милостыни на праздники. Иногда же празднику пришедшу Антонія великаго память, обычай же имаще старець Корнилій на праздники Введенія Пречистыя и преподобнаго Антонія нищимъ даяти милостыню по рукамъ: коемуждо по деньзѣ, къ симъ же и по просфирѣ и хлѣбомъ одѣляше. Богъ же хотяше искусити вѣру раба своего, оскудѣнію бывшу велю въ монастыри и приспѣвшу празднику Антонія Великаго, нищимъ же по обычаю собравшимся миожеству въ навечеріе праздника, блаженному же не имущу милостыня, что дати имъ, и о семъ благодаря и моляще Господу Богу и Пречистой Его Матери и преподобному Антонію Великому не презрѣти моленія его, но послати милость свою на братію свою—на нищихъ. Утру же бывшу, освитающу дню, пріиде отъ самодержавнаго государя великаго князя Василія Ивановича всяя Русіи посланикъ и подастъ святому отъ государя повелѣвная молити Бога и Пречистую Его Матерь и великихъ чудотворцовъ о его здравіи и о его великой княгине Елене и милостынью вдасть двадесять рублевъ съ рублемъ. Блаженный же сія пріемъ и благодаряще Бога и Пречистую Его Матерь и преподобнаго Антонія Великаго, не презряющу моленіе его, и молебная сотвори за государя и милостынею нищихъ обѣли съ любовію, яко отъ Бога посланная ихъ ради. Мы же сіе видѣхомъ скорое Божіе посѣщеніе и неуклонную святого вѣру и прослави-комъ Бога и сіе писанію предахомъ.

О гладу. Некогда же гладу превелику належащу на Вологде и въ предѣлехъ вологодскихъ, толма дорого цѣниша рожь по рублю четверть и свыше, но и тою великою цѣною едва обрѣтаху купити. И въ то гладное время мнози прихожаху отъ многихъ странъ въ домъ Пречистыя странніи и нищіи и окрестъ ту живущіи удручимы отъ глада того превеликаго. Отець же нашъ Корниліе всѣмъ подаваше безъ скудѣнія пищу и милостынью по вся дни; и мнози приношаху младенца своя и ломѣтаху подъ стѣнами монастыря. Святый же всѣхъ пріемля и отсылаше къ дѣтимъ на дворецъ и тамо учрежаху ихъ покоемъ всякимъ. И въ то нужное время Пречистыя обитель не оскудѣваше, наипаче множашеся потребныхъ въ монастыри молитвами Пречистыя Богородица и преподобнаго Антонія и отца нашего Корнилія.

О видѣніи святого. Память творящу блаженному Корнилію преподобнаго Антонія Великаго, нищихъ множество собравшихся и по обычаю ему дѣлящу ихъ милостынею своею рукою по просфире и по дензе, къ симъ же хлѣбѣ и колачи, иѣдии же отъ нищихъ не единю, но и вторицею взимаху, иѣвъ же и до пяти кратъ взять. Святому же Корнилію не зрящу на лица, но токмо руку простершему даяше; приставница же, видѣвшие взявшихъ и ножае, повѣдаша блаженному. Онъ же глаголаше: „не дѣйте имъ, того бо ради пришли“. Дню же къ вечеру преклонившися и по соборномъ пѣши въ вечеръ глубокъ стоящу святому на обычномъ своемъ правилѣ, и сѣдѣ на лавицы мало ногамъ опочинути и сведенъ бысть въ сонъ тонокъ и зритъ пришедша къ нему старца святолѣтна, сѣди-

ученіи братіи преп. Корнилій распоряжается, чтобы въ день его памяти кормили нищихъ остатками отъ братской трапезы: „да егда творите память мою, и оставшая останцы братскія трапезы сія подавайте братіи Христовѣ—нищимъ“¹⁾.

Уставъ этого подвижника предполагаетъ благотворительность монастыря, какъ его обязательное дѣло. Запрещая самовольную милостыню каждому частному иноку, чтобы подъ этимъ предлогомъ не нарушалась строгость общежитія, преп. Корнилій предписываетъ трудящимся все сработанное спосить въ казну,—„ниже въ милостыню даютъ“, „милостыня бо въ монастырѣ и нищелюбство обща суть“²⁾.

Преп. Даніїлъ Переславскій (\dagger 1540), постриженникъ боровской обители, также усердный благотворитель. Онъ былъ духовнымъ отцемъ мірянъ и успешно дѣйствовалъ снисходительнымъ обращеніемъ съ грѣшниками, „благимъ и мило-

вами украшена, во образъ Антонія Великаго и емеше его за руку и рече: „Корн(ил)іе, гряди ко мнѣ“ и изведе его на нѣкое поле равно и показа ему на единой странѣ поля просфиры, а на друзѣй колачи и рече ему: „се твои просфиры и колачи, ихже даль еси нищимъ; простри одѣянія своя“. Ему же простершу и иача класти въ приполь просфиры и колачи, дондеже начаша пресыпatisя отъ преисполненія. Онь же возбнувъ и въ себѣ быхъ и дивляхся чудному видѣнію. И заповѣда намъ. говорить жижеописатель современникъ святого, нетокмо при своемъ животѣ творити милостыню неоскучно нищимъ, но и по своемъ преставлениі. Мы же написахомъ сія памяти ради, аще будетъ Богу угодно житіе старца Корнилія, да и сія незабвена буди“. (Житіе, ркп. Тр. Лавр. Б.—ки № 676, л. 520 об.—522 об.).

¹⁾ Тамъ же, л. 537. Жижеописатель приводитъ стереотипную характеристику подвижника какъ благотворителя: „бяше же нагимъ одежда, печальнымъ утѣшеніе, бѣднымъ помогая“ и т. д.—ту характеристику, которую мы видѣли уже въ житіяхъ Димитрія Прилуцкаго, Евсемія Суздалскаго, и Григорія Пельшемскаго. Въ похвальномъ словѣ преп. Корнилію читаемъ: „Радуйся милостивый, страннолюбивый Корниліе, малыми убо брашны во время гладное многъ народъ во своей обители препиталъ еси, а брашна наизначе миожахуся молитвами твоими“.

²⁾ Тамъ же, л. 558. Ист. Росс. Іерарх. IV, 683, гл. 5. Новопоступившему въ монастырь дается такое предписаніе: „а въ монастыри живущимъ братіямъ никому ничего въ любовь ие даетъ, ниже мірскимъ, ни въ милостыню страннымъ, ниже покудаетъ кому что“, стр. 702—703, гл. 14. Въ главѣ 12 преподобный запрещаетъ каждому иноку въ частности принимать отъ мірянъ милостыню: „ниже милостыню кому себѣ, или ино что отъ кого прімати или самъмъ творити (т. е. милостыню), ио вся обща бываютъ“, стр. 697.

стивымъ разсужденіемъ увѣщевая“ ¹⁾). Далѣе въ житіи говорится: „Странніи же, приходящіи въ монастырь той, покой у него въ келіи пріимаху. Умершихъ же различными бѣдами и поверженныхъ звѣремъ на снѣденіе и сихъ на рамъ своею взимаше и въ божедомской гробницѣ полагаше съ подобающимъ пѣніемъ и божественную литургію служаше за оныхъ“ ²⁾). Погребеніе умершихъ безвѣстною смертью было главнымъ видомъ благотворительныхъ заботъ переславскаго подвижника. На мѣстѣ „божедомской гробницы“ для поминовенія усопшихъ онъ поставилъ сначала церковь, а потомъ открылъ здѣсь и свой монастырь. Второй его подвигъ—это уходъ за больными. „Нѣкогда же видѣвъ монастыря три мужи клосны (увѣчные) и болѣзнены вельми у ограды повержены, ихже повелѣвъ взятии въ монастырь и поконти ихъ. Мнози же вѣдуще нищетю, и приношау нужныхъ (несчастныхъ) человѣкъ и болѣзnenныхъ и отъ звѣрей уязвляемыхъ, убо же ради неимущихъ, чимъ питати ихъ ни врачевати, и сихъ поверзаху у монастыря. Онъ же съ радостію взимаше ихъ въ монастырь препитая, и врачевати веляше“ ³⁾). Такимъ образомъ не будетъ большою неточностью сказать, что монастырь преп. Даніила превратился въ больницу и богадѣльню. Случился голодъ въ переславскихъ предѣлахъ. Хлѣба стало мало даже на торгу. Въ обители преп. Даніила было тогда немало братіи „и мірянъ довольно“ и потому монастырскіе запасы быстро истощились. Преподобному донесли, что муки мало, не хватить на недѣлю, а до новаго хлѣба оставалось еще около восьми мѣсяцевъ. Подвижникъ „самъ пріиде къ житницѣ и видѣвъ муки мало, вящіе тріехъ оковъ“ ⁴⁾). И тогда пріиде къ нему вдовица убога и хотяше умрети отъ глада и съ чады своими. Святый же наполни мѣшечъ муки

¹⁾ Къ нему же мнози приходаху не токмо иноци но и мирстіи, вельможи же и простіи, мужіе и жены, вси отъ него душевныя ползы требующе получить, мнози же и грѣхи своя исповѣдающе ему. Онъ же благимъ и милостивымъ разсужденіемъ отъ грѣха престати увѣщавая и покаяніемъ исправляя и къ Божіи любви присвояя. И вси послушаху его въ сладость. *Сборникъ XVIII в. Поморского письма, принадлежащей проф. В. О. Ключевскому, л. 276 об.—277.*

²⁾ Тамъ же, л. 277.

³⁾ Тамъ же, л. 281 и об.

⁴⁾ Оковъ, мѣра сыпучихъ тѣлъ—четвертая часть бочки или кади.

и отпусти ю. И повелѣ келарю останкомъ муки тоя приходящихъ ту алчныхъ и жадныхъ насыщати. И бысть тако: питахужеся въ монастыри и въ селѣ ихъ людіе останкомъ тѣмъ и до новаго хлѣба неоскудно благодатію Божію и молитвами преподобнаго Даніила¹⁾.

Итакъ подвижники іосифлянскаго направленія служили современному русскому миру главнымъ образомъ внѣшней благотворительностью, потомъ духовничествомъ, которое у нихъ сводилось часто къ покаяльной дисциплинѣ, къ епитиміи, рѣже печалованіемъ (Іосифъ), еще рѣже обличеніемъ неправды (отчасти Пафнутьй). Заволжскіе подвижники или бѣлоозерскіе старцы неизвѣстны своей благотворительной дѣятельностью. И понятно: въ ихъ пустынныхъ скитахъ и отдѣльныхъ лѣсныхъ кельяхъ не было средствъ для этого; среди нихъ, какъ исключеніе едвали не единичное, былъ богатый инокъ—князь Вассіанъ Патрикѣевъ. За то они пре-восходили іосифлянъ въ сферѣ духовнаго, нравственно-учительного служенія миру. Преп. Пафнутьй отличался безусловной прямотой въ обращеніи съ властями; Іосифъ уже близокъ къ великому князю и опирается на помощь державнаго въ своемъ извѣстномъ столкновеніи съ мѣстнымъ княземъ, а потомъ и съ своимъ епархіальнымъ новгородскимъ владыкой; а его преемникъ по игуменству Даційль человекоугодничаетъ, будучи митрополитомъ онъ дозволяетъ Василію III разводъ съ бесплодной женой и новый бракъ. Изъ заволжскихъ пустынь вышелъ протестъ противъ этого беззаконія. Митр. Даніила справедливо упрекали за то, что онъ „ни о комъ не печалуется“. Епископы времени неистовствъ Грознаго, принадлежавши къ іосифлянамъ, судивши св. Филиппа, очевидно уже не считали печалованіе своею нравственной обязанностью и не пользовались этимъ опаснымъ правомъ. Но конечно это не подвижники. Между тѣмъ заволжская партія выставила цѣлый рядъ обличителей—печаловниковъ. Преп. Мартиніанъ, небоязненно обличавшій своего духовнаго сына Василія Темнаго, печалуясь за опального боярина, былъ бѣлоозерецъ, ученикъ преп. Кирилла. Бѣлоозерскіе старцы ходатайствуютъ за живовѣтующихъ, по крайней мѣрѣ за принесшихъ покаяніе.

¹⁾ Тамъ же, л. 280 и об.

„И старецъ князь Васъянъ (Патрикѣвъ) повѣрилъ имъ и учалъ за нихъ печаловатися великому князю (Ивану III), а съ нимъ и отъ владыкъ и отъ старцовъ начаша печаловатися“¹⁾. Игуменъ Порфирий, заволжскій пустынникъ, насильно поставленный Василіемъ III въ троицкіе игумены, печалуется предъ нимъ за вѣроломно схваченаго Новгородъ — Сѣверскаго князя Василія Шемячича, послѣдняго удѣльнаго князя на Руси, умершаго въ Московской темницѣ. Великій князь не послушалъ смѣлаго обличителя — печаловника, прогнѣвался и лишилъ Порфирия игуменства. А тотъ, отрясши прахъ отъ ногъ своихъ, въ бѣдной одеждѣ и пѣшкомъ отправился изъ великой лавры въ свою вожделѣнную пустынью за Волгу²⁾. Феодоритъ, постриженникъ соловецкій, одно время подвизавшійся въ Кирилловѣ монастырѣ и въ Порфириевой пустынѣ, печаловался передъ Грознымъ за бѣжавшаго въ Литву князя Курбскаго — своего духовнаго сына, но, разумѣется, безъ успѣха³⁾. Изъ заволж-

¹⁾ „Письмо о нелюбкахъ“. А. В. Горского, Отношенія иноковъ Кириллова Бѣлоозерскаго и Іосифова Волоколамскаго монастырей, въ XVI в. Прибл. къ Твор., X, 506.

²⁾ Курбскій, Сказанія, изд. 2-ое 127—128. Ср. Соловьевъ, Исторія, 1 изд. Общ. Пользы, I, кн. 1648—1650.

³⁾ Курбскій, 126—127: 140—141. Курбскій не знаетъ, какъ умеръ его заступникъ духовный отецъ: отъ однихъ онъ слышалъ, что Грозный велѣлъ его утопить въ рѣкѣ, другіе говорили, что преподобный почилъ „тихою и спокойною смертю о Господѣ“.

О печалованіи можно читать въ изслѣдованіи Ямковскаго, Нечалованіе духовенства за опальныхъ, Ч. О. И. и Др. 1876, I: въ Курсѣ церковнаго права А. С. Павлова, 501—502; особенно обстоятельно въ диссертациіи В. Малинина, Старецъ Филоѳей и его посланія, гл. VIII, 682 слѣд. Этотъ старецъ Филоѳей, постриженникъ общежительного монастыря Евфросина Псковскаго, былъ отшельникъ или затворникъ по роду подвижничества — „неисходенъ бѣ изъ монастыря“. Но по своимъ извѣстнымъ религіозно-политическимъ воззрѣніямъ онъ былъ сторонникомъ Москвы; однако, кажется, стоялъ виѣ спора тогдашнихъ монашескихъ партій. При его жизни случилось паденіе Псковской вольности. Московскіе намѣстники, управляя Псковомъ, много проявили неправды и насиливанія. Нѣкоторые псковичи просятъ старца печаловаться за родной городъ предъ великимъ княземъ Василіемъ. „Филоѳей добродѣтельного ради житія и премудрости словесъ заемъ бѣ великому князю и вельможамъ“. Сначала изъ смиренія старецъ отказывается. „Но послѣди много показа дерзновенія къ государю и моленія о людехъ, также и болѣромъ и намѣстникомъ псковскимъ и обличи ихъ о многой неправдѣ и насиливаніи, не убоѧлся сперти. Великій

скихъ пустынь выходили миссионеры, какъ сейчасъ называемый Феодоритъ, просвѣтитель лопарей, защитники православія, какъ осужденный старецъ Артемій, боровшійся въ Литвѣ вмѣстѣ съ Курбскимъ съ протестанствомъ. Но не слѣдуетъ забывать, что здѣсь же, въ заволжскихъ пустыняхъ, развивалось религіозное вольномысліе и ереси находили сочувствіе. Въ половинѣ XVI в. господствовавшая въ церкви монашеская партія, считавшая въ своихъ рядахъ большинство русскихъ архіереевъ, искоренила бѣлоозерцевъ, какъ партію еретическую, разрушила такъ сказать ихъ пустынныя заволжскія гнѣзда. Въ 1585 въ Рождество Христово за праздничнымъ столомъ у царя Федора произошлассора двухъ владыкъ. Евѳимій ростовскій не далъ ѿсть съ своего блюда рязанскому Леониду и „конечно позоровалъ“ его, называлъ его партію: „не осифляны по жидовляны“. Эти „навѣтныя и напасныя слова“, кажется, заволжскаго постриженника, да членитная обиженнаго іосифлянина—послѣдній откликъ сложной и горячей борьбы двухъ монашескихъ партій¹⁾.

Въ заключеніе приведемъ примѣръ отшельника-учителя народа, иноческіе идеалы котораго совпадаютъ съ идеалами Нила Сорскаго, если только не идутъ дальше ихъ. Это преп. Филиппъ Иранскій († 1537 г.), постриженникъ Корнелія Комельскаго. Онъ ушелъ изъ монастыря, чтобы „безмолвствовать единственно“, вырылъ въ рѣчномъ берегу „вертепецъ“ для жилья и поставилъ часовню для молитвы „и ту нача жительствовать и молитвы Господу приносити о спасеніи своемъ“. Въ строгомъ уединеніи—„единъ единственно“ подвижникъ провелъ 15 годовъ и только за пять лѣтъ до смерти ради тѣлесныхъ недуговъ своихъ принялъ къ себѣ сожителя. Народъ скоро узналъ място его подвиговъ и собирался толпами для поученій и молитвы. Часовня превратилась въ храмъ, вмѣсто вертепца выстроилась келья. Святой поучаетъ мірянъ и излагаетъ имъ мірскія добродѣтели.

же князь и вельможи вѣдуше его дерзость и беспечевіе о семъ вѣцѣ, не смыша ничтоже ему зла сотворити“ (Тамже, Прилож. стр. 25). Намѣстники во Псковѣ были смыщены; (ср. *П. С. Р. Л.* IV, 287—289).

¹⁾ *Акты Истор.* I, № 216, стр. 410—411. Членитная царю рязанскаго еп. Леонида изъ ростовскаго архіеп. Евѳимія.

Осуждая семейные раздоры, онъ проповѣдуетъ миролюбіе,— любовь родителей къ дѣтямъ, почтеніе дѣтей къ родителямъ. Порицая жестокосердіе, предписываетъ расположеніе къ нищимъ и убогимъ,— „самъ Господь Богъ, изволивый нищелюбіе взыскати и любити е“. Вѣроятно предъ мірянами же и особенно предъ посѣтителями иноками излагалъ отшельникъ свои монашескіе идеалы. Иночество выше царства, ивоку предлежить ангельская слава. „Но жестоко и прискорбно иго иноческаго житія“ и немногіе несутъ его. Три главныхъ добродѣтели преп. Филиппъ считалъ обязательными для инока: „не стяжаніе и еже поститися зѣло и бѣти много“, т. е. нищету, посты и молитву. Сильно порицаетъ пустынникъ стяжательное и оміршившееся монашество своего времени. „Погубили мы ангельское житіе; много ясти и пiti или одѣятися можемъ, поститися же не можемъ и смиренно мудрствовати“. „Отцы наши искаху пустыни и скорби, мы же ищемъ градовъ и покоя и пищи многія“. „Днесъ въ нась есть любоманіе и презорство (стяжательность и гордость). Отцы наши лица своя рѣдко умываху, мы же бани и покоя взыскуемъ“. „Монастырь—постникъ, а не купецъ“. „Бѣжимъ, братіе, матери всѣхъ злыхъ—сребролюбія и мірскія клеветы и зависти“. Другая опасность для монаха отъ міра и нисколько не меньшая — женщина. „Соль отъ воды есть: аще прикоснется водѣ растаетъ и невидима бываетъ. Такожде и мніхъ отъ жены есть: аще прикоснется женѣ, растлится и въ небытіе бываетъ, сирѣчь умираеть душою и погибаетъ яко прахъ“¹⁾.

Этимъ примѣромъ полнаго отшельничества, дальше кото-
раго едвали простидалось древне-русское анахоретство—„мол-
чащихъ чинъ“ и „неисходное жительство“, мы и заканчи-
ваемъ свою историческую справку. Читатель видѣть, что ее
мы не довели до новой исторіи, до конца XVII в. а вмѣстѣ
и до конца древней Руси; да и на пространствѣ отъ XI в. до
пол. XVI пропустили много святыхъ именъ, не обозрѣли цѣ-

¹⁾ Житіе преп. Филиппа Ирапскаго, изд. В. О. Ключевскии въ Памят.
Др. П., особ. 27—31, 40—44, 47, 57, 58. Пользовались мы и только что на-
печатанной статьей Н. Успенскаго, Отшельникъ—учитель народа XVI в.
Христ. Чтв. 1903 г. февраль и мартъ.

лый рядъ житій. Это конечно правда: авторъ сдѣлалъ только что успѣлъ. Но онъ собралъ и изложилъ здѣсь *главное*. Половиной XVI в. собственно кончается исторія древне-руссскаго монашества. Слѣдующіе полтора вѣка прибавили рядъ подвижническихъ именъ, но не дали новыхъ общихъ явлений. А на пространствѣ взятаго періода авторъ останавливался на главныхъ моментахъ въ исторіи русскаго монашества: не пропустилъ ни Феодосія Печерскаго, ни Сергія Радонежскаго, ни Іосифа Волоколамскаго, не умолчалъ и о Нилѣ Сорскомъ.

На какихъ же сторонахъ своей жизни древне-руссскій міръ видѣлъ помошь изъ святыхъ обителей, отъ преподобныхъ, просіявшихъ въ Русской землѣ? Да на всѣхъ рѣшительно. На религіозно-нравственной — въ молитвѣ, учительствѣ, духовничествѣ и миссіонерствѣ подвижниковъ, на соціальной и политической — въ печалованіи за осужденныхъ, въ обличеніи насильниковъ и миротворчествѣ враждующихъ князей; на экономической — въ монастырской благотворительности разныхъ видовъ. Общежители, или пустыножители — русскіе подвижники всѣ несли службу миру, кто какую могъ, то учительнымъ словомъ къ темному народу, то всенароднымъ обличеніемъ московскаго самодержца, то кускомъ хлѣба умирающему ребенку, оставленному подъ монастырской стѣной своими голодными родителями, то прокормленіемъ цѣлыхъ тысячъ голодающаго народа, то уходомъ за больными и увѣчными бѣдняками и устройствомъ для нихъ богадѣленъ при монастыряхъ.

Теперь намъ остается изъ своей исторической справки сдѣлать только выводы въ примѣненіи къ современной полемикѣ о монашествѣ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

C. Смирновъ.